

Любовное фэнтези

Тверже алтаза

Екатерина Оленева

18+

Екатерина Оленева

Твёрже алмаза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42620140

SelfPub; 2019

Аннотация

Чтобы спасти репутацию семьи, Каролина вынуждена выйти замуж за человека старше себя. Сид Кайл богат, красив, популярен, его хотят многие женщины, но у него есть прошлое, с которым трудно смириться. Это прошлое в облике обольстительной, коварной женщины не желает упускать своего и строит коварные планы с целью погубить счастливую соперницу. Борьба за чувства становится борьбой за выживание. Ставка в этой игре не только любовь, но и жизнь.

Содержание

Глава 1. Питер	4
Глава 2. Королевский приём	17
Глава 3. Женские сплетни	38
Глава 4. Первая любовь и сватовство	55
Глава 5. Предложение от которого нельзя отказаться	73
Глава 6. Стерпится-слубится	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Глава 1. Питер

Всё было плохо.

Нет, не просто плохо – отвратительно.

Она, Коралина Фисантэ, вот уже больше часа стоит в одном из прекраснейших дворцов мира, в красивом платье, окружённая сливками общества и – подпирает собой стену!

Она? Подпирает стену?!

Да у Каролины никогда меньше трёх кавалеров про запас не было. Парни готовы были глотки друг другу рвать за честь побыть в её обществе пару лишних минут. Она ни секунды не сомневалась в том, что с успехом завершит свой первый сезон в столице, составив блестящую партию. А в действительности оказалось, что даже банального партнёра по танцам сыскать не удалось. Позор, да и только.

Вне себя от досады девушка обмахивалась веером.

– Прекрати, дорогая. Испортишь причёску, – резонно заметила её мать, Фиона Фисантэ.

– Ну и пусть. Никому нет дела до причёсок какой-то там провинциалки, – обиженно фыркнула Каролина.

– Не стоит расстраиваться. Это же только первый полонез, – резонно заметила Силена, сестра-близнец, сестра-тень.

Большую частью любимая, но иногда, вот как сейчас, ужасно раздражающая.

Пара следовала за парой, фигура в танце сменялась следующей, танцующие переходили из одной залы в другую. От красивых кавалеров в глазах рябило. Было так много, лиц, что они сливались в одно сплошное невыразительное пятно.

Каролина почему-то не думала о том, что она может для потенциальных женихов утонуть в море кисеи, бутоньерок, сияющих диадем и дежурных улыбок. Превратиться в невидимку, потерявшись в море лиц.

Она была убеждена, что её заметить можно всегда и везде. То, что этого не происходило немедленно, прямо сейчас, воспринималось ею как личное оскорбление от госпожи Судьбы.

– У меня спустился чулок, – шепнула Каролина матери. – Пойду в дамскую комнату, поправлю.

Фиона проводила её встревоженным взглядом. Будто здесь могла угрожать какая-то опасность?

Что может стрястись в ярко освещённой комнате, полной людей? Да ещё самых родовитых и благовоспитанных во всём королевстве?

Оставшись одна, Каролина решила воспользоваться случаем и попробовать шампанского.

Людей в зале было много. Все заняты – кто беседой, кто танцем, кто игрой. Все в лёгком подпитии. Можно, переходя от группы к группе, беспрепятственно подслушивать и подсматривать.

Завернув за колонны, увитые искусственным плюющим и

розами, Каролина свернула в боковой ход, заполненный столиками. Их отделяли друг от друга пышные портьеры. В зале играли в карты. Судя по сосредоточенным лицам, по-крупному.

Заметив отца, с озабоченным видом озирающегося по сторонам, Каролина, не имеющая ни малейшего желания отыскиваться раньше времени, юркнула за пышную гардину. Выглянув через секунду с облегчением убедилась, что он ушёл. Она уже собралась продолжить разведывательный поход по дебрям дворца, как голоса, принадлежавшие молодым и, как она надеялась, симпатичным людям, привлекли её внимание.

Говорили тихо. Чудя по тону, намечалась ссора.

– Какая приятная неожиданность увидеть тебя, Питер! Маршал отпустил на сегодняшней вечер? Или он сам пришёл, снизойдя до общества?

– Милорд не пришёл.

– Что так?

– Очень занят. У него важная встреча, – скучающе прозвучало в ответ с нескрываемым презрением.

Каролина наострила уши. Если молодые люди начнут ссориться и дальше, ей будет что рассказать подружкам. Подумать только? Настоящая дуэль! Если, конечно, повезёт. Поединки – вещь интригующая. А уж если задета честь дамы... а чаще всего именно она и задета. Из-за чего же ещё драться порядочным джентльменам как не из-за ветреной

юбки?

– Выпьем за важные встречи?

Судя по легкому стуку, молодые люди сблизили бокалы.

– Не всегда приходится делать то, что хочется. Иногда нужно выполнять долг, – вкрадчиво зазвучал голос первого. – Наш славный маршал, известное дело, служит короне, – добавил он с глумливым смешком, – своим прославленным мечом.

Снова за портьерой раздался непристойный гогот.

Каролина захотелось уйти, но любопытство оказалось сильнее. Она и сама не знала, что надеялась услышать, какую байку или сплетню? Просто подслушивала – и всё. Была у неё с детства такая дурная привычка.

– О чём ты? – спросил тот, кого называли Питером.

– Известно, о чём. Все знают, что у твоего господина два меча. Одним он служит королю, другим – королеве. Но никто не оспорит факта, что оба служат короне.

Что-то зазвенело, ударилось, покатилося. Судя по звуку, посуда. Потом глухой удар, сдавленный хрип. События принимали интересный оборот, но тут Каролина ощутила железную хватку на предплечье и, порывисто обернувшись, встретила с ледяными глазами матери.

Фиона вытащила её из закутка где начиналась драка и толкнула в другой, более тихий и уединённый.

– Потрудитесь объясниться, дочь, что вы тут делаете? Если память мне не изменяет, вы сейчас должны находиться в

туалетной комнате, поправляя сползшие чулки?

– У меня закружилась голова, – оправдывалась Каролина. – Я хотела минуточку побыть одной. Что тут такого? – капризным голосом оскорблённой невинности добавила она.

Даже захлопала ресницами, демонстрируя, до какой степени не понимает, за что получает нагоняй.

– Не начинай, – строго оборвала мать, знающая всевозможные увёртки своего чада. – Я же видела – ты подслушивала.

– Все иногда подслушивают, – не стала отпираться Каролина.

– Ладно, закрою глаза на твоё поведение, но с условием, чтобы до конца вечера больше не было ни одной подобной выходки.

Каролина тяжело вздохнула. Как будто был выбор?

Фиона Фисантэ на её памяти ни разу ни на кого не повысила голос. Но на памяти Каролины так же не было случая, чтобы кто-то осмелился перечить желаниям матери.

– Идём, дорогая, – голос Фионы привычно смягчился и потеплел. – Тебя ждёт кавалер.

Кавалером оказался приятель старшего брата Джорджа, находящегося сейчас на зимних квартирах. Его полк был расквартирован где-то на западе. О точном местоположении брата Каролина догадывалась смутно. Закончив пансион она так и не успела подружиться с географией.

Увидев перед собой приятного молодого человека в во-

енной форме, она заулыбалась светло и радостно, по опыту зная, какое впечатление производит её улыбка на мужчин:

– Бертучо! – протянула она ему хорошенькие ручки, затянутые в кружевные перчатки. – Рада вас видеть!

Молодой гвардеец, не удержавшись, засмеялся в ответ. Очень уж жизнерадостно и заразительно звучал смех девушки.

– Вы так повзрослели, Каролина, – бросая на неё восхищённые взгляды, проговорил он. – Когда мы виделись в последний раз, вы, помнится, клялись никогда не выходить замуж, собираясь сбежать к пиратам чтобы плавать под чёрным флагом до скончания дней.

– После этого я мечтала о карьере певицы в варьете, танцовщицы на уличных подмостках. И даже, к стыду, к моему, подумывала, а не уйти ли мне в монастырь, чтобы со временем стать святой.

– Какое счастье, что не все детские мечты осуществляются. Если бы вы ушли в монастырь, я бы не смог сейчас пригласить вас на менюэт.

Остаток вечера прошёл прекрасно – музыка, цветы, танцы.

– Очаровательна! – выносили вердикт кавалеры один за другим, нороя поцеловать кончики белых, музыкальных пальцев Каролины.

Она лишь улыбалась в ответ, чувствуя головокружительный прилив сил от осознания собственной красоты, молодости.

сти и привлекательности.

Танцевала Каролина превосходно. Тонкий, подвижный стан, шевеливающийся под обнимающей его рукой был прелестен. Невозможно было не залюбоваться радостным блеском её улыбок и глаз, её грациозностью и живостью.

Мужчины и любовались, пользуясь случаем.

– Вижу, тебе весело? – подмигнул Каролине отец, улучив момент.

– Как никогда в жизни!

Устав, запыхавшись, тяжело дыша, она хотела сделать передышку. Но следующему кавалеру просто не смогла отказать.

Молодой человек неожиданно запал в душу. Он был настолько изящен, что к его описанию вполне подошло бы слово «хрупок». С копной таких же светлых, как у Каролины, волос и меланхоличным, чуть высокомерным, лицом.

Черты его были столь тонкими, что вполне могли бы принадлежать переодетой девушке. Черный костюм простого кроя оживлялся лишь отложным воротником без кружев. На фоне блистательны нарядов это осмотрелось почти как бедность.

– Разрешите пригласить на вальс? – отвесил молодой человек требуемый этикетом поклон.

Каролина была заинтригована. Она узнала голос. Он принадлежал одному из ссорящихся за портьерой невидимок.

Чуть склонив голову к правому плечу, едва заметно по-

краснев, то ли от удовольствия, то ли от смущения, она вложила тоненькие пальчики в раскрытую ладонь.

Молодой человек обнял Каролину за талию прежде, чем Фиона успела воспрепятствовать нарушению приличий. Ведь по правилам высшего света невозможно ангажировать даму на танец, не будучи ей представленным.

Каролина и Питер были третьей парой, вошедшей в круг. Танцевал молодой человек неплохо, только двигался слишком напряжённо.

Каролина решила заговорить первой так как пауза слишком затянулась.

– Чудесный бал! – сказала она.

– Очаровательный.

Улыбка молодого человека была одновременно и смущённой, и похожей на усмешку. Он не столько улыбался, сколько кривил уголки губ.

– Я не имею чести знать вашего имени, – напомнила Каролина.

– О! Простите! – спохватился молодой человек. – Питер Рэдси, к вашим услугам.

– Рэдси?

Каролина, нахмурившись, обратилась к глубинам памяти, пытаясь припомнить историю названной фамилии.

– Ваша семья, кажется, владеет землями в Авенри за западными холмами?

– Моя семья владела Синими Холмами более пяти сотен

лет. Перед вами последний наследник и глава дома Рэдси.

– Глава дома? – с сомнением, почти испуганно протянула Каролина.

Молодость юного Питера в её воображении плохо сочетались с озвученный им статусом.

– У вас высокое положение.

Питер тряхнул светлыми кудрями:

– На самом деле не очень. Моя семья в своё время подерживала династию Роумэнов, входя в ближний круг низложенных королей. При новой власти нам этого, естественно, не простили. Так что и спустя почти два века мы не в особой чести при дворе. Но к чему я рассказываю вам и без того всем известные вещи? На балу следует веселиться, а не говорить о далёком прошлом.

Танец закончился и, вежливо поблагодарив юношу, Каролина вынуждена была отойти в сторону.

Второй раз они встретились в парке спустя неделю после бала.

В тот день выдалась отвратительная оттепель, превратившая твердый искристый снег в отвратительную кашу под ногами – почти непролазную топь.

Проклиная про себя аристократический обычай прогуливаться после обеда Каролина пробиралась к выходу, стараясь не слишком запачкать юбки.

– Мисс!

Услышав отклик, Каролина обернулась, но, увидев моло-

дого человека, следовавшего за ней, ускорила шаг.

– Мисс! Мисс Фисантэ! Я... разве вы не узнали меня? Я – Питер Рэдси!

Каролина помедлила, в нерешительности глядя на то, как он приближается.

– Я знаю кто вы, но... но я одна.

Догнав её, Питер Рэдси улыбнулся:

– Моё почтение, мисс Фисантэ. И, с вашего позволения, вы уже не одна. Я же перед вами. Значит – вы со мной.

– Вот именно, –фыркнула Каролина, изображая недовольство.

– Да ладно вам? – весело рассмеялся Питер. – Какие нормы поведения в данной ситуации? Мы же с вами тут почти на острове... как, кстати, вы тут оказались?

– Думала прогуляться. Мне говорили, что это лучший парк в городе. Но пока я заметила лишь одну тенденцию – сверху всё серое, снизу всё грязное.

– Возможно, со временем, вы заметите больше? Даже в газетах пишут об этом знаменитом парке. Однако, полагаю, такая девушка как вы, предпочитает газетам романы?

– Судя по вашему тону, вы романов не одобряете? – ехидно сузила глаза Каролина.

– Романы? По-моему, это жалкая безвкусица, которую читают женщины. Что ещё добавит? – пожал она плечами.

– Вы правы. Ни к чему что-то добавлять.

Каролина развернулась и пошла по направлению к выхо-

ду.

– Хм-м? Кажется, мне следует извиниться? – повысил он голос, потому что она удалилась уже на достаточное расстояние. – Я ведь ни в коем случае не хотел вас обидеть, мисс.

– Вы меня ничем и не обидели, – засмеялась Каролина, помахав на прощание рукой.

Питер проводил её взглядом, больше не осмелившись сказать ни слова.

Питер Рэдси не был первым молодым человеком, с которым Каролина была знакома. Но он стал первым молодым человеком, запавшим ей в душу. Двух малозначительных встреч вдруг оказалось вполне достаточно, чтобы дать пищу нескончаемым девичьим мечтам.

Если бы кто-нибудь посмел сказать Каролине, что эти мечтания типичны для многих юных дев в её возрасте она бы смертельно оскорбилась. Ей собственные чувства представлялись исключительными и необыкновенными, ни в коем случае не наивными, какими они, в действительности, были.

В этих грёзах, естественно, Питер замечал необычную красоту Каролины. Она блистала красноречивым остроумием, поражала его исключительными музыкальными талантами и, конечно же, лучше всех танцевала на балу. Неважно, на каком – главное, что лучше всех!

Пока маленькие ножки порхали по паркету, в голове прокручивались картины, одна приятней другой – бальзам для

женского самолюбия.

Самой любимившейся фантазией стала мизансцена, в которой, встав на одно колено и глядя на неё прекрасными, глубокими, несчастными глазами Питер признавался в любви, предлагая ей руку и сердце.

Будучи по сути избалованным ребёнком, Каролина привыкла получать всё, что захочет и на этот раз ни секунды не сомневалась, что получит желаемое.

Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она садилась на утопающей в полумраке диван. Мысли уносились так далеко, что она не замечала привычных вещей: тяжёлого буфета, стола из красного дерева, массивного серебра и натёртого до блеска паркета. Подсвеченная радужными мыслями комната казалась необыкновенно уютной.

Вот она, прекрасная и гордая, идёт по ковровой дорожке, склоняясь в изящном реверансе перед Их Величествами.

Вот она, весёлая и оживлённая, кокетничает со всеми мужчинами направо, подряд. Конечно, это немного жестоко по отношению к юноше с белыми, похожими на золотой шлем, волосами. К юноше с отрешённым взглядом, в котором светилась пленительная для Каролины отрешённость и непонятная печаль. Но тем большая радость будет ждать его впереди, когда Питер узнает, что ей, вокруг которой все мужчины роятся, как пчёлы, на самом деле нужен только он – он один!

Они останутся наедине. Он признается в своей безнадёж-

ной любви. Она откроется, поведав, чем так полно её девичье сердце.

В воображении Каролины раз за разом вставало лицо Питера, изумленное и счастливое в тот момент, когда она согласится стать его женой.

Конечно же, её родители могут не сразу одобрить этот брак (вариант, где брак легко одобрялся, лишал Каролину доброй сотни приключений и поэтому не был принят к рассмотрению). Им придётся бежать, чтобы венчаться тайно.

Финальная картина – они вдвоём, верхом на белых лошадях скачут навстречу закату по песчаной косе. Под копыта лошадям летят обрывки пены от наступающего прибоя. В небе взволнованно кричат, паря, чайки.

Глава 2. Королевский приём

– Каролина! Силена! Куда вы запропалились? – донёсся с лестницы повелительный голос матери.

С тихим стуком упали на пол шпильки. Вместо белоснежных лошадей с гривами, развевающимися хвостами и плюмажами, Каролина увидела собственное отражение в зеркале.

– Идём, – схватила Силена её за руку. – Наверное мама хочет сообщить какую-то новость.

Силена не ошиблась.

– Вы, должно быть, слышали о том, что в ближайшие недели намечена церемония представлений дебютанток в королевском дворце? – обратилась к ним Фиона, как только Каролина с Силеной чинно расселись перед ней на стульях. – Мы получили приглашение. Вас представят Их Величествам.

– Не может быть! – сжала Каролина повлажневшими от волнения пальцами руки сестры.

– Там будет весь высший свет. И мы – тоже! Представляешь, Каролина? – блестя глазами отозвалась Силена. – Матушка, а это точно?

– Совершенно точно. И у нас катастрофически мало времени. Ведь необходимо приготовить вам достойные высоко-го случая наряды.

Когда сестры остались наедине, Силену надулась, словно хомяк, натолкавший бобы за щёки.

– Что случилось? – поинтересовалась Каролина.

– Не хочу выглядеть нелепо, как в тот раз, когда к нам в имение приехал герцог Паулисс... ну что же это такое?! Не смеяться надо мной!

– Я не смеюсь, – заверила Каролина Силену, хотя выражение её лица говорило об обратном. – Просто, на мой взгляд ты тогда выглядела слишком... розовой.

– Ох! Не нужно было мне тогда слышать эту противную модистку... как там её звали? Пэнс?

– Что поделать? У нашей тётки есть свои представления о том, как должна выглядеть юная дева перед настоящим джентльменом. По её понятиям, в идеале девица должна походить на свежесмытого поросёнка.

– Нужно было поступить так же, как ты: не слушаться никого! Ты-то не стала тогда носить те ужасающие оборки!

– Дело не в оборках. В платьях, подобранных тётушкой, были такие тесные корсеты, что в них и мертвый не смог бы дышать.

– Возможно тётушка пребывала в убеждении, что благовоспитанной девице дышать и ни к чему?

Каролина запорхала по комнате легкокрылой птичкой, пародируя обеим небезызвестную особу:

– Юные девы! Бурное дыхание не украшает высокородную леди! Неужели же вы осмелитесь дышать в присутствии

гостей?

Силена весело хохотала, наблюдая, как сестра, дурачась, имитируя манеры тётки, расхаживает вокруг с павлиньим видом, оправляя платье и царственно отбрасывая на спину выбившийся из прически локон:

– Дышать, выставляя грудь напоказ перед Её Величеством? Это... это... у меня нет слов! Вверх неприличия! Это... это... это отсутствие должного воспитания, сударыни! Вот что это такое!

Взглянув на смеющуюся сестру Каролина тоже весело расхохоталась, схватив её за руки и кружась по комнате:

– Пусть тётка хоть с утра до вечера трещит о приличиях, о поросячьих платьях, идеально подходящим юным леди для первого приёма. Главное, что мы окажемся в королевском дворце! Своими глазами увидим Их Величества! Всех лучших людей королевства! Представляешь?

– Представляю. Но розового платья даже ради такого случая больше не надену.

– И не надо, – поддержала Каролина сестру.

Остановившись перед зеркалом, она критически осмотрела собственное отражение во всех ракурсах.

Возможно, её лицо нельзя было назвать классически красивым, но оно совершенно точно было весьма привлекательным. Точёный узкий подбородок не совсем правильно сочетался с чуть заметной широкоскулостью, из-за чего лицо имело форму сердечка, но раскосые, ярко-голубые, как небо

в ясный день, выразительные глаза искупали этот небольшой изъян во внешности. Подвижный алый рот дополнял яркую миловидность, выдавая живость, даже страстность натуры.

Сама Каролина не знала об этом, но именно пухлые губы, ещё не твёрдо очерченные, больше и чаще всего привлекали мужское внимание. Когда Каролина говорила губы, казалось, были готовы улыбнуться или рассмеяться в любой момент, а когда умолкала, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю.

Ещё раз окинув себя взглядом с ног до головы девушка с досадой подумала о том, что в лице её ещё таится что-то детское, несмотря на уже ярко проступающую женственность. Собрав волосы в подобие высокой прически ещё раз окинула себя критическим взглядом.

– Как думаешь, маршал Сид Кайл будет на приёме?

– С чего это ты вдруг им заинтересовалась? – насмешливо сузила Силена глаза. – Попробую догадаться? Так! Признавайся! Тебя ведь интересует вовсе не сам прославленный маршал? Ты хочешь видеть его оруженосца, верно?

В этот самый момент сестра показала Каролине вредной как никогда.

С досадой она отдернула от головы руки. Волосы пушистым водопадом накрыли хрупкие плечи.

Силена подскочила, обнимая сестру со спины и глядя в зеркало через плечо Каролины:

– Думаю, он придёт, – сказала она. – Я про знаменитого

маршала говорю. Разве может он не прийти на королевский приём? – Лицо Силены вновь расплылось в лукавой улыбке. – Будем надеяться, своего оруженосца он тоже захватит.

Последующие несколько дней были посвящены нарядам для сестёр Фисантэ. Фиона ради такого случая выписала лучших модисток и выделила белошвейкам целую комнату, где и проходили бесконечные примерки.

Приходилось стоять так долго, расставив руки и выпрямив спину, что всё тело, затекая, начинало болеть.

– Красота требует жертвы, – говорила портниха.

И сёстры терпели.

Наконец долгожданный день настал.

С самого утра дом был словно на ушах. И слуги, и господа носились туда – сюда по коридорам и лестницам.

В комнате, где портнихи заканчивали с платьями, валил пар от утюгов, накаляющихся на углях.

В ваннных комнатах тоже поднимался пар, только уже от горячей воды и курящихся ароматических эссенций.

– Поторапливайтесь! – наставляла графиня дочерей. – К полудню следует быть готовыми.

– Но ведь приём начнётся в три?

– Девочки, без разговоров! В ванной следует пробыть не менее трёх четвертей часа, иначе толку не будет никакого.

– А каким должен быть толк? – шёпотом поинтересовалась Каролина у Силены.

– Ваша кожа станет цветущей и нежной, – с услужливой

улыбкой сказала камеристка.

Каролина пожала плечами. И у неё, и у сестры кожа и без того была идеальной.

Сначала сидеть в душистой пене было приятно. Потом сделалось жарко (служанки всё время подливали кипяток в остывающую воду) и скучно.

– Да посидите спокойно хотя бы минуточку! – раздосадовано воскликнула Стесси, прислуживающая Каролине ещё с детских лет и потому позволяющая себе некоторую вольность в обращении. – Вот егоза! Как в материнской утробе девять месяцев-то высидела!

Когда положенное время вышло, Каролину и Силену замотали простынями.

Не дожидаясь, пока прислуга подаст туфли, Каролина босиком прошлёпала в свою комнату, оставляя на паркете влажные следы.

– Барышня! Да что же вы делаете-то? Ведь нельзя так! – причитала по пятам следующая за ней камеристка. – Простудитесь! Станете чихать перед их величествами, вот тогда вспомните мои наставления! Да поздно будет.

Облачившись в нижнее бельё, перламутровое и тонкое, как паутинка, Каролина привычно ухватилась за столбик кровати. Предстояло затянуть корсет. Нелёгкое испытание даже с её осиной талией.

– Ох, барышня! От вас и глаз не отвести! Какая изящная красавица! – восхищалась делом рук своих прислужива-

ющая Каролине девушка.

– Весьма мило, – согласилась графиня Фисантэ, явившаяся на смотр и, кажется, оставшаяся довольна увиденным. – Помните, дитя моё, на каблуках ходить по дворцовым паркетам следует очень осторожно. Полы натирают до такой степени, что они становятся похожими на лёд. Ну а теперь самое сложное – причёска.

Она состояла из уложенных вокруг головы причудливой короной кос и локонов. Изгибы прядей покрыли душистой пудрой чтобы ярче сверкали. На это ушло не меньше двух часов.

– Плечи и шею моих дочерей можно не трогать, – распорядилась графиня. – Пусть сверкают белизной и юной свежестью без всяких прикрас. Они без всякой пудры хороши.

Лёгкие туфли на крошечном каблучке из лёгкой кожи застёгивались крест на крест алмазами. Шёлковые голубые ленточки обеспечивали дополнительную надёжность, завязываясь вокруг стройной ножки. Голубое платье из блестящего муара с широким подолом, украшенного атласными разводами, дожидалось хозяйку, лёжа на кровати. Это чудо сверкало, сияло и переливалось, стоило лучику света попасть на ткань.

Задыхаясь от радости и восхищения Каролина с помощью служанок облачилась в это сияющее облако. При каждом шаге платье волнующе шуршало и шелестело, приводя хозяйку в восторг.

«Когда Питер увидит меня, он влюбится в меня ещё сильнее», – самодовольно подумала она, любуясь собственным отражением.

– Можно войти? – предварительно постучав в дверь, заинтересовался отец.

Увидев Каролину, восхищённо замер.

– Я самый счастливый человек на свете, – галантно поцеловав руку супруге, сообщил он. – Ведь меня окружают самые прелестные женщины Мороссии. Мои дочери покорят королевский двор своей свежестью и красотой.

– Спасибо, папочка, – сияя улыбкой, проговорила Каролина.

– В портрете не хватает лишь одного штриха, – проговорил отец, протянув дочерям по шкатулке.

– Что это?

– Открывайте и увидите.

Подняв крышку Каролина не смогла сдержать возгласа от восторга. Жемчужный гарнитур – элегантное ожерелье и капельки-серёжки великолепно подходили к её наряду.

– С дебютом, мои принцессы.

Всю дорогу Каролина едва дышала. Она до смерти боялась измять платье или испортить причёску.

Силену, судя по напряжённой позе, занимали те же тревоги.

Сеялся мелкий дождь. Несмотря на то, что день ещё был в самом разгаре, на улице господствовали сумерки. Зато сам

дворец сиял огнями как платье аристократки драгоценностями. По высоким лестницам поднимались сотни людей: дамы, служанки, лакеи, министры, военные.

Вместе с остальными семейство Фисантэ начало восхождение в рай. Служанки придерживали девушкам шлейф, чтобы он не запачкался в грязи на длинных мраморных ступенях.

Они проследовали в полукруглую комнату, одну сторону которой занимали арочные, от пола до потолка, окна. Их отражали зеркала, покрывающие стены вместо обоев.

Женщин в комнате было много. Красивых и не очень, одетых богато и вычурно, со строгим вкусом или слишком просто, в зависимости от собственных вкусовых пристрастий и достатка.

Каролина с Силеной присели на мягкие пуфы, обитые дорогим шёлком.

– Здесь так много света, – в хрустальном голоске Силены дрожали восхищение и боязнь.

– Это из-за граней в хрустальных люстрах. Они отражают свет свечей, – пояснила Каролина.

– Пора. Идёмте, – встрепенулась мать.

Каролина могла видеть собственное отражение в бесчисленной анфиладе зеркал, вдоль которых они двигались.

Росписи на потолках представлялись ей грандиозными. Разноцветная мозаика на полу завораживала. Парчовые портьеры, сияющие золотом в блеске свечей, лепнина из цветов

и амуров на потолке – от всего этого в глазах рябило.

От волнения в голове поднялся туман. Каролина почти ничего не соображала и действовала, как заведённая кукла. Хорошо ещё, этикет, вдалбливаемый в неё с детских лет, заставлял тело двигаться даже тогда, как разум почти не управлял им.

Она сделала три реверанса. Первый, самый низкий, предназначался королю, второй – королеве, третий – членам королевского дома.

Как во сне, слышала голос отца и матери, ощущала рядом присутствие сестры. Туман в голове начал рассеиваться только тогда, когда, получив разрешение удалиться, Каролина отступила, смешиваясь с толпой придворных.

Откровенно говоря, вид суверена разочаровывал. Ведь король это нечто сильное и монументальное, это средоточие власти. А человек, сидящей на высоком стуле, покрытым красным кумачом, куда больше походил на жизнерадостного розовощёкого фермера, чем на властного повелителя. Жирные щеки, толстые губы, вздёрнутый, курносый нос. Да ещё, в довершении картины, плешивая голова. Внешности менее романтической представить себе невозможно.

Королева выглядела на порядок лучше супруга. Но, если супруг отличался избыточной дородностью, то королева была похожа на птичку – невысокая, хрупкая.

Каролина, наслышанная о красоте первой дамы страны, глядя на предмет, вызывающей томление струн у лиры при-

дворных поэтов не понимала, чем же это восхищение вызвано? По-настоящему хороша в облике королевы была разве что роскошная золотая диадема, блестящая среди тщательно завитых пепельно-русых локонов.

В обширном зале, заполненной придворными, взгляд выхватил фигуру в чёрном костюме чьим единственным украшением по-прежнему служил лишь белый пышный воротник.

Сердце забилося в сладком волнении – Питер Рэдси!

Он шёл за человеком, перед которым толпа расступалась с почтением, если не сказать, что со страхом.

Таких красивых мужчин Каролине раньше видеть не приходилось. Красота эта была не изысканно-изящной, как у Питера, а дикой и опасной, словно у дикого зверя. Резко очерченные скулы, хищный разлёт бровей. Прямые, иссиня-чёрные, спадающие почти до плеч, волосы.

Мужчина, не задерживаясь, миновал стайку придворных дам. Небрежным жестом приказал Питеру не следовать за собой дальше. Дойдя до подножия трона, опустился перед королем на одно колено, склоняя гордую голову.

– А вот и вы, мой верный друг.

Король пытался изобразить отеческую улыбку, но Каролине отчего-то она показалась жалкой.

– Мы рады видеть первого маршала Мороссии. Раз уж все в сборе, повелеваю начать церемонию. Ваше Преосвященство?

Высокий и статный человек в красно-золотом облачении высшего духовенства медленно приблизился к подножию трона, и церемония началась.

Под фанфары, кричащие так оглушительно что Каролине захотелось зажать уши, чеканя шаг, выступили гвардейцы, отдавая честь.

Фанфары смолкли. Заиграла музыка. Гвардейцев сменили фрейлины.

Каролина моргала в недоумении. И это – всё? Ради чего столько шума? Если в церемонии и был смысл, то он от неё ускользал.

Обернувшись, она отыскала взглядом Питера и покраснела, встретившись с ним глазами.

На щеках юноши тоже вспыхнули лихорадочные алые пятна.

– Госпожа Фисантэ? – королева, улыбаясь, спустилась с трона и, играя веером, подошла к матери Каролины. – Я хотела лично попросить вас украсить наш бал своим присутствием. Ваши очаровательные дочери унаследовали прославленную красоту матери и сегодня у нас не будет украшения более прелестного. Я была бы счастлива видеть одну из ваших девочек в числе моих фрейлин, – ласково потрепала государыня подвернувшуюся под руку Силену.

«Словно сестра диванная собачка», – с досадой отметила про себя Каролина, дожидаясь, когда августейшая особа наконец оставит их в покое и она сможет под благовидным

предложением приблизиться к Питеру.

От вынужденного долгого реверанса чуть в спину не вступило.

Королева удалялась не спеша.

– Ты слышала? – радостно запищала Силена. – Слышала, что сказала Её Величество?! Она изъявила желание взять одну из нас ко двору!

– С чего такие восторги? – фыркнула Каролина.

В сердцах она сетовала на сестру за то, что та со своим энтузиазмом встала между ней и её планом догнать Питера. А тот уже приблизился к входной двери на опасное расстояние. Она вот-вот потеряет его из вида!

– Разве ты не рада стать фрейлиной Её Величества? – удивилась Силена.

– О, конечно! – впала Каролина в откровенно притворный восторг. – Держать в руках рубашку, чулки или даже ночной горшок для королевы? Что может быть прекраснее!

– О чём ты говоришь? – возмутилась Силена. – То, о чём ты говоришь – это же работа горничной.

Каролина весело рассмеялась:

– Моя дорогая, – прошептала она, склонившись к ушку сестрички, – я открою тебе страшную тайну. То, что так красиво именуется фрейлиной, по сути является всего лишь обычной, пусть и королевской, служанкой.

Одарив близняшку примирительной улыбкой, Каролина, вознамерившись догнать предмет своих мечтаний и устрем-

лений, резко развернулась, неуклюже налетев на первого маршала Мороссии.

Мужчина обернулся, слегка зашипев, как потревоженный змей, скользнув по девушке холодным взглядом.

– О! Прошу прощения, милорд! – машинально извинилась Каролина.

– Не стоит извинения, миледи, – красивым баритоном прозвучало в ответ.

Выражение его равнодушно-ироничного лица не изменилось ни на миг. Вроде бы ни в словах, ни в жестах, ни в действиях не было ничего предосудительного или оскорбительного, но под взглядом пронзительно-синих взгляд Каролина почувствовала себя так, будто он кожу с её лица снимал.

Как только он удалился, в голову тут же пришло сотни остроумных реплик, которыми можно было ответить, не опасаясь показаться провинциальной простушкой.

«Да какое мне вообще дело, что он там обо мне думает?», – сказала сама себе Каролина и постаралась выбросить инцидент из головы.

Вокруг всё гудело от множества голосов, как в огромном улье. Россыпь драгоценностей, мелькание лент, колыхание многочисленных париков и резкий сладкий запах рисовой пудры – всё сливалось в одно цветное, яркое, ароматно пахнущее пятно. Выпрямив спину и чеканя шаг, Каролина шагала сквозь великолепный людской поток, чувствуя на себе внимание множества взглядов.

Питер Рэдси стоял неподалёку от входных дверей, в то время как своё место Каролина определила ближе к королевскому трону. Но ничего страшного. Заполучив то, что хочешь, можно перейти туда, куда положено.

Каролина прекрасно отдавала себе отчёт в том, что её действия не совсем приличествуют юной девице, но, если всё всегда делать по правилам никогда не получишь желаемого.

Развернув усыпанный мелким блестящим жемчугом огромный веер, она остановилась напротив молодого человека, глядящего на возникшее перед ним чудо широко распахнутыми глазами.

– Добрый день, господин Рэдли. Вы меня ещё помните? – с кокетливой улыбкой проворковала Каролина.

– Могу ли я забыть самую очаровательную девушку, которую встречал?

Слова могли показаться льстивыми, если бы не искренний тон и восхищённый взгляд.

– Я сочту за честь, если вы окажете одолжение и снизойдёте до танца со мной.

– Я охотно вам его обещаю, – с улыбкой протянула Каролина руку для поцелуя.

Жаль, через перчатку она почти не чувствовала прикосновение его губ. Лишь лёгкое давление.

Едва прикасаясь к руке Каролины кончиками пальцев, Питер повёл её в зал, где вот-вот должны были начаться танцы.

Уже слышались первые звуки музыки.

Его величество король открывал бал в паре с красивой улыбающейся женщиной лет двадцати пяти-двадцати шести. Блестя гляncем волос, белизной точёных плеч и бриллиантов, шурша белоснежным платьем она шла между расступаящимися мужчинами словно корабль над волнами под всеми парусами. Любезно предоставляя право любоваться собой.

Низко срезанное лиловое платье открывало полную шею и грудь, округлые руки с тонкими кистями. Как звездочки или роса при солнечном свете, вспыхивали крохотные бриллианты. Всю фигуру, словно газом, окутало сверкающим облаком органзы. Она-то и шуршала столь привлекательно при каждом шаге красавицы.

В чёрных волосах, своих, без примеси, вызывающе красовалась пышная алая роза.

Не было заметно в женщине ни тени кокетства. Она словно бы даже пыталась, но не могла умолить действия своей победоносной красоты.

Каролина почувствовала укол ревности. Привыкшая во всём играть первую скрипку она никогда не сомневалась в силе своих чар, но перед этой скорее богиней, чем женщиной, чувствовала себя чуть ли не простушкой-служанкой. Её собственные руки казались слишком худыми, фигурка перед такими пропорциями смотрелась угловатой.

Да и красота брюнеток всегда ярче прелести блондинок.

– Кто это? – поинтересовалась Каролина у Питера.

– Некоронованная царица Моросии, признанная фаворитка короля и Сиды Кайла, Флёр Кадэр.

От Каролины не укрылось, как взгляд первой красавицы на мгновение задержался на Сиде Кайле. Тот следовал за своим сувереном в паре с Её величеством, королевой.

– Она очень хороша, – шепнула Каролина, в душе надеясь на опровержение своих слов.

Не дождалась.

– И хороша, и умна, – согласился Питер, к её нескрываемой досаде.

– Я слышала, король без ума от неё? А ведь она его фаворитка вот уже пятый год.

– Да, эта женщина умеет внушать страсть мужчине. Даже такой, как Сид Кайл не смог удержаться, чтобы не отдать должное её красоте.

– О! – только и протянула Каролина, не зная, как ещё прокомментировать эту информацию, которая, по правде говоря, интересовала её мало. – Наверное это действительно что-то значит, ведь у вашего господина репутация мужчины, хорошо разбирающегося в женщинах?

– О моём господине не слышал разве что только глухой, – тяжело вздохнул Питер.

Каролине послышалась горечь в его голосе.

– Что ещё вы о нём слышали? – уточнил Питер.

– Много чего. Как плохого, так и хорошего.

– Уверен, плохого гораздо больше. Мой лорд сложный человек. Хотя это не мешает его славе полководца греметь на всём континенте и за его пределами.

В мечтательных тёмных глазах Питера Каролине вновь почудилась печаль.

– Вы привязаны к господину маршалу?

– Лорд Кайл добр, но он презирает меня. Впрочем, как и многих других. Боюсь, людской род не вызывает в нём особого уважения.

Краем глаза Каролина увидела, как герцог Кайл двигается по зале, ведя за собой королеву, не сводящую с него откровенно влюблённых глаз. Отметила особенную манеру этого человека держать голову – маршал Кайл шёл как человек, которому наплевать на мнение любого. Словно всё вокруг: дворец, с его белоснежными колоннами, разделяющими пространство на несколько разных частей, паркет с изысканным орнаментом; люстры из хрусталя и бронзы, несмотря на всю свою тяжесть выглядевшие невесомыми – всё не заслуживало ни малейшего внимания.

Возможно, мнение Питера о презрении маршала к роду людскому обосновано.

Каролина видела, какими глазами смотрели на маршала многие женщины. Они следили за ним с замиранием сердца.

– У милорда определённая репутация, – перехватив её взгляд, прокомментировал Питер.

– Очевидно, как у самого неприятного, надменного, вы-

сокомерного, наглого и нахального из всех мужчин? – презрительно передёрнула Каролина плечами.

Её бесили взгляды других женщин, но куда больше злило то, что и она сама смотрит тужа же, куда и все.

– Не слишком ли много прилагательных? – усмехнулся Питер.

Начался второй тур полонеза. До Каролины не сразу дошло, зачем господин маршал остановился около неё, отве- шивая церемониальный поклон. Она даже не ответила ему положенным по случаю, реверансом.

– Прошу оказать честь? – протянул лорд Кайл Каролине унизанную перстнями руку.

Его кожа была гладкой, как у женщины, благоухающей ду- хами. В её представлении мужчина не должен был иметь та- кой гладкой кожи. Да и перстни на каждом пальце явно лиш- нее.

Сид Кайл дерзко сжал пальцы Каролины, привлекая к се- бе:

– Позвольте? – Приблизился он вплотную.

Пробежав пальцами по её рукам от плеча до кисти, сжал тонкие запястья и закинул себе за шею.

Каролина испуганно вскинула глаза, судорожно пытаясь понять, то ли она забыла начало фигуры, то ли он ведёт себя непозволительно дерзко.

Обняв за талию, маршал резко сделал шаг вперёд застав-

для Каролину отступить. Не отнимая рук от её гибкого станa, обошёл её, встав за спиной, обнимая не просто как в танце, а почти интимно. Подхватил на руки, закрутил с такой лёгкостью, словно Каролина весила как перышко, была не тяжелее птички.

Движения маршала были хищными, как и он сам, стремительными и страстными. Ничего похожего на то, с чем Каролина сталкивалась раньше – дружелюбное, полное восхищения обращения мальчиков, бывшими её сверстниками.

Почувствовав испуг Каролины, Сид Кайл осторожно опустил её на пол, встав в положенную для следующей фигуры позицию.

Они соединили ладони и какое-то время кружились точно так же, как десятки других пар рядом.

– Красавица отрешилась от мира? – услышала Каролина бархатный баритон у себя над ухом.

– Что?

– Вы наступили мне на ногу, сударыня. А в прошлый раз едва не сбили с ног. Неужели чары моего оруженосца столь сильны, что делают грациозную девушку неуклюжей гусыней?

Каролина почувствовала гнев, и как не старалась сдержаться, процедила:

– Вам не приходило в голову, сэр, что в моей вине, возможно, нет заслуги вашего оруженосца? Я могу быть неуклюжей от природы?

Словно в наказание за маленькую ложь герцог снова за-вертел Каролину с такой энергией и скоростью, что она едва успевала переступить с ноги на ногу.

– Танец, кажется, заканчивается? – блеснул он белыми, ровными, как жемчуг, зубами.

Финал стал даже ярче начала. Заставив изогнуться и упасть себе на руку, Сид Кайл навис над Каролиной так, будто собирался её поцеловать. Несколько секунд то ли с ужасом, то ли с предвкушением Каролина ждала, что это сейчас случится.

Но вместо того, чтобы набрасываться с поцелуями герцог улыбнулся, аккуратно поставил на ноги и, раскланявшись, отошёл в сторону.

Каролина сама затруднилась бы сказать, чего в её душе было больше – смущения, растерянности, непризнанного желания или гнева? Отчего перехватило дыхание?

Церемониймейстер объявил вальс.

Бал продолжал греметь.

Глава 3. Женские сплетни

После сумасшедшего шумного вечера так приятно оказаться в тишине кареты. Каролина и Силена сели рядышком на диванчик, укутав ноги тёплым пледом.

Утомлённые, все молчали.

Когда карета тронулась, Каролина, закрыв глаза, сделала вид, что дремлет. Прислушивалась к звукам – дождю, бившему в окно, то превращающемуся в ливень, то стихающему. Тряске с постукиванием.

Перед глазами мелькали лица, женские, мужские. В ушах продолжали звучать музыка и голоса. Каролине самой хотелось стать первой красавицей света, как прославленная Флёр Кадэр. С той лишь разницей, что она вовсе не собиралась становиться чьей-либо любовницей.

Она будет женой тому, кого полюбит. Полюбит всем сердцем. И он будет так же хорош, как красавчик Питер.

А может быть это Питер и будет?

Хотелось то ли смеяться от радости, беспричинно овладевшей ею. То ли плакать от возбуждения, причины которого Каролина сама не до конца осознавала. Она чувствовала, как внутри нервы, словно струны, натягиваются всё туже и туже. Дыхание сбивается. Во мраке кареты с необычайной яркостью проносятся, один за другим, образы и звуки.

Образ белокурого юноши с родинкой у рта, с непонятной,

бередящей душу, тоской во взгляде сменялся образом мужчины, в руках которых тело словно плавилось, а душа замирала от предвкушения чего-то запретного, порочного, тёмного, влекущего и отталкивающего одновременно.

Городской дом графа Фисантэ, большой и просторный, располагался на углу перекрёстка, неподалёку от знаменитой на весь город кондитерской лавочки.

Карета, проехав по устланной соломой улице, остановилась у подъезда, рядом с тротуарным столбом.

Толкаясь и толпясь от усталости семейство Фисантэ поднялось по слегка покривившимся ступенькам. Глава семейства дёрнул за дверную ручку замка, привычно, в очередной раз, посетовав, что она слабо отворяется.

В передней сразу несколько свечей разгоняло мрак.

Лакей в ожидании хозяев сладко почивал на сундуке. Как только закрипела отворяющаяся дверь, лежачее положение поменял на сидячее, а равнодушное выражение лица на восторженно-испуганное.

Скинув шелковый салоп, подбитый теплым мехом, на руки лакею, Каролина и Силена прошли в большую залу. После духоты бального зала прохлады, царившая в доме, протопленном несколько часов назад, казалась холодом.

Небольшие ломберные столики, люстра, поблескивающая сверху хрустальными гранями то ли зловеще, то ли загадочно, боковые двери – всё казалось Каролине обыденно скучным после того легкомысленного веселья, что царило в ко-

ролевском дворце.

– Фред! – услышала она привычный отцовский окрик. – Огня! И чаю.

– Иль на балу не напились ли, барин? – протянул лакей.

– Поговори мне ещё!

Каролине вдруг сделалось грустно, как всегда бывало после праздника. Нечто очень дорогое девается куда-то, будто уезжает, а ты остаёшься.

Она всё ещё мысленно порхала по ярко освещённой зале. Смотреть на родной, пусть и любимый, дом было скучно. По сравнению с тем, совершенно чуждым, но ужасно привлекательным миром, преисполненным неведомыми радостями, привычное казалось отталкивающим.

Внесённый в комнату свет свечей раздражал. Лунный, напротив, оставлял мечте и воображению куда больше простора для манёвра.

– Уже поздно. Пора спать, – сказала Фиона.

Сестры и сами не прочь были подняться к себе. Они охотно оказали друг другу услуги камеристок, расшнуровав корсеты и освободив волосы от шпилек.

– Ты когда-нибудь слышала о семействе Рэдси? – поинтересовалась Каролина у Силены.

– Они вроде бы принадлежат к старинным аристократическим родам и высокомерны, как сто ослов.

– А ослы и впрямь высокомерны? Не замечала.

– Не мудрено. Ты же их никогда не видела. Но зато всем

было заметно, что мистера Рэдси ты явно заприметила. А вот чего ты, сестрица, демонстративно не замечаешь, так это неодобрение родителей по этому поводу.

– На их месте я куда больше возмутилась бы поведением маршала Кайла. Вот где было нарушение всех приличий! Тебе не кажется?

Силена пожала плечами.

– Тебе не следует забывать о том, что, не смея сорвать зло на человеке с такой жуткой репутацией, как у маршала Кайла, они точно не станут церемониться с тем, кто рангом пониже.

– Это не делает им чести.

Сёстры вздохнули вместе.

Потом, вместе же, нырнули под тёплое одеяло, в одну постель, которую делили на двоих ровно столько, сколько себя помнили. В течении многих лет ложе служило им и колыбельной, и исповедальней. Именно здесь они делились девичьими тайнами. Хотя о каких тайнах может идти речь там, где мысль, явившаяся одной тут же, не колеблясь, естественно, как дыхание, передавалась другой?

Душевная близость сестёр была для них обеих чем-то вроде данности. Чем-то, что всегда было и всегда будет. Ни одна из них никогда не задумывалась о возможной разлуке или о том, что придёт момент, когда они решат разлучиться по доброй воле. Сестрам это казалось так же маловероятно, как и возможность того, что однажды солнце вдруг начнёт захо-

дить на востоке и всходить на западе.

Взволнованные и возбуждённые пережитыми впечатлениями они лежали в постели с открытыми глазами.

– Скажи, Силена, а ты на балу влюбилась в кого-нибудь? – спросила Каролина, внезапно садясь и охватывая руками колени.

– Разве о таком можно говорить?

– Конечно, можно! По крайней мере со мной, глупенькая.

– Нет, – с ноткой грусти вздохнула Силена. – Такого со мной ещё никогда не было. А ты? Ты влюблена? Неужели в этого красивого мальчика с грустными глазами? В Питера Рэдси?

– Даже и не знаю. У меня было такое чувство... такое чувство, как будто я влюбилась во всех сразу, кто там был. Мне так хотелось, чтобы голова кружилась, и ноги порхали над полом, и сердце пело. Были моменты, когда начинало казаться – всё так и есть! Как будто всё в тебе поёт и ликует, и ждёт радости, великой, как первый солнечный луч после долгой ночи. Нет, всё не то! Я не могу объяснить. Когда говоришь словами то, что чувствуешь, всё нелепо получается. Даже смешно.

– Я понимаю, – заверила Каролину Силена.

– Вот вроде бы устали, и спать хочется, а сердце расходится, мысли разлетаются, во всём теле будто музыка продолжает звучать. Как же тут уснуть?

Каролин, вдруг подорвавшись, кинулась к окну.

– Что ты делаешь?

– Хочу на минутку открыть. Здесь так душно.

Стоило раздвинуть тёмные гардины как комнату залило лунным светом.

Тучи разошлись. Небо сверкало от звезд, похожих на алмазные головки. А сильнее всего сияла луна.

Перед самым окном, между домом и бульваром, стоял ряд подстриженных деревьев. Чёрные со стороны дома они светились там, где их касались лунные лучи, делаясь похожими на серебряную парчу. Мокрые от дождя черепицы на соседних домах тоже сверкали как драгоценные камни.

– Иди спать, – позвала Силена. – Поздно уже.

Стоило руке отдёрнуться, гардины упали, отрезая девушек от волшебства.

Было тепло и уютно лежать, обнявшись, под одеялом, прислушиваясь к голосам в доме, покачиваться в лодке приближающегося сна.

Усыпать с осознанием, что завтра будет новый день, чудесней этого.

На самом деле ничего особенно чудесного с утра не происходило.

Пришлось принимать визиты. Расположившись в большой гостиной, семейство Фисантэ встречали и провожали гостей, чередой сменяющих друг друга.

Поначалу Каролина была рада новому обществу, но вско-

ре заскучала. Однако поделаться было ничего нельзя. Нарушение этикета в большом свете приравнивалось к преступлению. Так что приходилось сидеть с видом красивой куклы и посильно участвовать в общем деле – занимать гостей разговором, делая ничего не значащие замечания о погоде и здоровье визитёров.

– Леди Кавалли с дочерью! – доложил об очередных прибывших лакей.

Силена с Каролиной переглянулись, словно говоря друг другу взглядом: «Ну сколько можно? Когда же закончится пытка?».

Послышались оживлённые женские голоса, шум платьев.

Нацепив полагающиеся к случаю улыбки на лица, мать и сёстры Фисантэ обернулись к гостям.

– О! Дорогая! – протянула руки к госте хозяйка дома. – Как я рада видеть вас и вашу прекрасную дочь. Красавица! Настоящая красавица!

– И это говорит мать двух дарований, произведших на вчерашнем приёме настоящий фурор! – не желая оставаться в долгу, в свой черёд рассыпалась в комплиментах маркиза Кавалли.

– Сегодня прекрасный день, не правда ли? – в сотый раз произнесла заготовленную заранее фразу Силена.

– Кто бы мог подумать, что после вчерашней непогоды будет такое чудесное утро? – так же, в сотый раз за утро, повторила Каролина.

Госпожа Кавалли печально вздохнула, возводя очи горе:

– В сей юдоли скорбей одним утро несёт радость и надежду, другим – ужас и смерть. Мы с вами уже сами матери. Можем понять, какой удар потерять своё возлюбленное чадо.

– О чём вы? Что такое? – забеспокоилась Фиона.

– Как? Вы не знаете последней ужасной новости?!

Судя по виду, маркиза была уверена в полной эксклюзивности того угощения, что она собиралась преподнести в гостиной, словно десерт под подливкой из щекочущего нервы ужаса.

– Ужасной? – притворно охнула хозяйка дома.

– Воистину так. Только одна мать может поднять горе другой матери. Мужчинам постичь всю трагедию последствий их безумных игр не дано. Я очень сочувствую и соболезную бедным матерям виконта Боффо, Рамисса и Чейза. У виконтессы Боффо Рамиро единственный сын...

– Что всё-таки случилось?

– Дуэль! Вы только представляете? На вчерашнем балу этот Рэдси (уж не знаю по какому поводу что они там не поделили), вызвался драться. И подбил на это других!

– По какому поводу дрались?

– Вы же знаете этих мужчин? – откинувшись на спинку стула, принялась обмахиваться веером маркиза. – Из-за чего не поссорятся, а вслух всё одно – задета честь.

– Когда же успели подраться? Бал закончился чуть ли не под рассвет? – удивилась Силена.

– На рассвете и дрались. Четверо заработали раны, пусть не глубокие, но унижительные.

– И что теперь с этим Рэдси будет? Его накажут? – равнодушно поинтересовалась Фиона.

– Вы же знаете, последним указом короля отменилось уголовное преследование дуэлянтов. Да, и кроме того, покровитель юноши, ужасный, безнравственный лорд Кайл в большом фаворе при дворе. Самое большое наказание, что грозит этому бретёру и сорвиголове – строгий выговор. Подумать только, в какое ужасное время мы с вами живём! Такое понятие, как нравственность и приличия теряют значение прямо на глазах!

– Именно так, милая. Именно так. Увы! – с притворным сочувствием вздохнула Фиона.

– Из ваших слов получается, что против Рэдси выступили вчетвером? Тут не поединком, а убийством попахивает, – вступилась Каролина за предмет своего тайного обожания. – Как-то не похоже на дело чести.

– О, моя дорогая! Рэдси, как известно, Сид Кайл тренировал лично. А маршал же сущий дьявол. О его боевом искусстве ходят легенды. Причём, самого страшного и кровавого толка.

– Но всё же четверо против одного – это слишком, – стояла на своём Каролина.

– Как-то не по-рыцарски, кто бы там драться юношу не учил, – согласилась с дочерью Фиона. – Сам-то господин

Рэдси не ранен?

Каролина с волнением ожидала ответа.

– Кажется, нет, – пожалала плечами госпожа Кавалли.

– Подождите, этот самый Рэдси? Он, случаем, родом не из западных земель?

– Питер Рэдси сын печально известного Вальтера, возглавившего Родановский мятеж около двадцати лет тому назад.

– Выходит, – задумчиво проговорила Фиона. – Выходит, отец этого юноши был убит Уораном Кайлом?

– Именно. Оба погибли. И Уорон Кайл, старший брат теперешнего знаменитого герцога и Вальтер Рэдси. А теперь вот полюбуйте! Сынок убиенного прислуживает родственнику убийцы. Кто их разберёт, этих аристократов? Говорят, старший из братьев Кайл был даже красивее нашего маршала? Я слышала, вы были с ним знакомы в годы юности? – обратила маркиза Кавалли к Фионе горящий любопытством взгляд.

– Верно, – согласилась Фиона с гостьей. – Была.

Двери распахнулись. Лакей громко доложил:

– Кушать подано!

На несколько коротких секунд повисло молчание.

Графиня Фисантэ глядела на гостью, приятно улыбаясь.

Каролина с Силеной тоже старательно приклеили к губам улыбки.

Хозяева не особенно брали на себя труд скрывать, что не слишком огорчатся, если гости поднимутся и уйдут.

Но гости продолжали сидеть, улыбаясь в ответ.

– Не соблаговолите ли отобедать вместе с нами? – как ни в чём не бывало предложила Фиона. – Ваше драгоценное общество доставит нам удовольствие.

– Не смею огорчить радушных хозяев отказом, – откликнулась госпожа Кавалли.

Лакеи распахнули двери. Женщины, шурша юбками, прошли в столовую где к ним, присоединился Руан Фисантэ.

За столом разговор повернул в самое скучное для Каролины русло. Вновь заговорили о недавно объявленной войне, о политике. Говорили о якобы объявленном королём манифесте. Его вообще никто не читал, но зато все бурно обсуждали.

– Я придерживаюсь мнения, что хоть манифест и подписан, всё это вздор. Никакой войны на самом деле не будет, – пропела Силена.

– Вот чего стоит мнение женщины! – вздохнул Руан. – По-твоему, дочь, мы должны молча снести нанесённое государству оскорбление? Ну уж нет! Накормим их войной по самое горло!

– Мы подвергались оскорблениям, нас обманывали. Но всё же я надеюсь, что всё уладится мирным путём, – покачала головой Фиона.

– Маршал Мороссии этого не допустит, – закатила глаза маркиза Кавалли. – Он слишком любит войну.

– Как можно любить войну? – искренне удивилась Каро-

лина.

– Неприятный человек этот маршал, – поморщилась Силена.

– Спасибо, матушка. Я наелась. Можно выйти из-за стола? Разрешение было милостиво Каролине даровано. Воспользовавшись им, она поспешила покинуть столовую.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Каролина завернула в библиотеку. Тут царил полумрак из-за спущенных жалюзи. С высоких стен отовсюду смотрели тёмные корешки книг.

Выбрав две-три книги, показавшиеся наиболее интересными, она нырнула в глубокое кресло с высокой спинкой и широкими подлокотниками. Скинув туфли, забралась в него с ногами, проигнорировав диван, стоявший напротив огромного камина.

– Каролина? – услышала она спустя какое-то время голос сестры. – Кэрол? Ты здесь?

Остановившись в дверях, Силена смотрела на неё с шутливо-вопросительной улыбкой.

– Решила спрятаться тут от Кавалли?

– Совмещаю полезное с приятным. Пытаюсь отыскать информацию о Родановском мятеже. Знаешь что-нибудь об этом?

– О Родановском мятеже знают даже кони, – усмехнулась Силена, пристраиваясь в соседнем кресле.

– Дай мне урок истории, сестричка. Обидно, когда кони

знают больше тебя.

– Во время царствования короля Генриха II, отца нынешнего императора, западные провинции подняли мятеж. Дворяне предали дело короны, а подстрекал их к этому отец твоего красавчика-блондинчика, Вальтер Рэдси. Мятеж, как пожар, разгорался всё жарче. Целью заговорщиков было убить короля, истребить династию, узурпировать власть и ввести в Мороссию иноземные войска. После мятежники планировали разделить страну на несколько частей, расплатившись с иноземцами за помощь приграничными землями. За мятежниками стояли иностранные агенты, подстрекающие и поддерживающие эти изменнические настроения. Внутренние склоки оказались весьма на руку государствам, имеющим к Мороссии территориальные претензии.

Каролина нахмурилась. Было стыдно за своё невежество и досадно, что двойняшка слушала уроки истории куда прилежнее её.

– Если коротко, ничего хорошего папенька твоего слащавого героя не сделал. Его попытки устроить в стране смуту благими не назовёшь, – закончила Силена краткий экскурс в новейшую историю.

– А при чём тут сын? Он не в ответе за грехи отца. А насчёт слащавого красавчика? Сегодня утром этот слащавый красавчик, как ты его называешь, в одиночку раскидал четверых.

– Ты просто маленькая дурочка, сестричка. Раскидал он

кого-то, ага, как же! Уверена, что к делу так или иначе приложил руку его лорд. Сам по себе твой Питер ноль без палочки.

Каролина начала злиться.

– Ты просто завидуешь.

– Чему? Славе изменника? Вот уж вряд ли. И, кстати, то, что у этого недоноска хватило совести присягнуть семейке, убившей его отца, не говорит в его пользу. Сиду Кайлу просто нравится бесить людей, вот он и взял к себе этого щенка Рэдси.

Отношение сестры к тому, в ком Каролина потихоньку привыкала видеть любовь всей жизни, обескураживало. Она уже собиралась выложить всё, что думала по этому поводу, как громкие тяжёлые шаги на лестнице заставили сестёр прекратить намечающуюся перепалку.

Когда отец вошёл в библиотеку, вид у него был весьма серьёзный. Даже, можно сказать, встревоженный. Худое лицо, с детства так хорошо знакомое, отчего-то сделалось жестким и оттого казалось чужим.

Отец держал в руках пакет. Он был так поглощён охватившими его мыслями, что ухитрился не заметить дочерей, затаившихся в огромных креслах.

С тихим щелчком сломалась восковая печать. Глаза Риана заскользили по строчкам. Лицо его, по мере того, как он читал послание, словно каменело, делаясь все более и более сумрачным.

Дочитав, отец каким-то неживым, деревянным шагом подошёл к жирандолям, где плавилась свеча и поднёс письмо, свернутое в трубочку, к пылающего языка пламени. По воздуху поплыл синеватый дымок, распространяя горьковатый аромат.

Бумага тлела, опадая на поднос чёрным пеплом до тех пор, пока от послания не осталось ни клочка.

– Да сжалятся над нами Бог, – сорвалось с губ отца. – Будь всё оно проклято!

Он вышел, на удивление осторожно прикрыв за собой дверь, оставив за собой ощущение опускающейся грозы.

Каролина подошла к горстке чёрных хлопьев, но, превратившись в ничто, они не могли открыть ей никакой тайны.

– Кажется, известия были дурными? – обернулась Каролина к сестре, привыкшая во всём советоваться и всё обсуждать со своей двойняшкой.

Силена с тем же выражением, что и сама она, сокрушенно созерцала кучку пепла.

– Как думаешь, что это было?

– Не уверена, – пожала плечами Силена. – Но мне показалось, там были какие-то векселя.

Обеспокоенные, сестры пытались придумать, что случилось и чем это может грозить им лично.

Правда вскрылась спустя несколько часов. И была неутешительна.

Решив умножить и без того приличные доходы, Риан Фи-

сантэ вложил изрядную долю состояния в одну из крупных торговых компаний, занимающуюся перевозками пряностей, шелков и шоколада с далёкой земли, лежащей за Большим Океаном. Купец был человеком крайне предприимчивым, однако недостаток средства тормозил развитие дел, а Риан Фисантэ решил это исправить к обоюдному удовольствию. Предложение было более, чем заманчивым. Отец Каролины должен был получить изрядную долю прибыли. Пойди всё по плану, капитал Фисантэ мог увеличиться вдвое.

Но вместо ожидаемого обогащения как гром среди ясного неба пришло известие о том, что на корабли напали пираты. Экипаж перебили, а товары, естественно, осели в пиратских трюмах.

Самое печальное то, что, ожидая финансового пополнения, семейство ни в чем себе не отказывало и набрало столько долгов, надеясь погасить их за счёт поступивших средств, что теперь, после их выплаты, оказалось на грани разорения.

Предстояло резко сократить расходы. А это означало роспуск половины штаты прислуги и, возможно, продажу городского дома.

Каролине, привыкшей к прислуге, знакомой ей с детства, и к образу жизни одной из богатейших наследниц, происходящее казалось невыносимым. Невозможным!

Речь отца оставалась просто набором пустых, понятных, но трудно осознаваемых слов.

Каким контрастным был вчерашний и сегодняшний вечер! Вчера – сияние дворцового бала, сегодня – тень надвигающейся бедности.

– Её Величество предложило мне место фрейлины при дворе. Наверняка там платят приличное жалование? Я смогу содержать хотя бы саму себя.

– Бог мой, Силена! – сжала пальцами виски Фиона, болезненно морщась. – Жить на жалование придворных? Да о чём ты вообще говоришь? На одни наряды тратятся целые состояния. Фрейлины её величества не ходят в обносках, не ходят пешком, что, вполне возможно, угрожает всем нам. Место при дворе приятный бонус к знатности и состоянию, но никак не способ себя прокормить, – отрезала мать. – Нам придётся поскорее подумать о выгодной партии для вас, девочки. Пока весть о нашем печальном положении не стала достоянием гласности.

Глава 4. Первая любовь и сватовство

Дождь, смешенный с мокрым снегом, тоскливо стучал в оконное стекло, стекая вниз тонкими струйками.

Утро выдалось сырое и туманное. От хмурого настроения не спасали ни тепло, ни уют, ни яркое пламя в камине. Каролина скучала.

Вздохнув, она потянулась за книгой.

– Каролина! – вспорхнула в комнату Силена. – Каролина, нам прислали пригласительный во дворец, на утренний приём к Её Величеству.

– Нам?

Силена потупилась:

– Мне. Но никто не станет возражать, если мы пойдём туда вместе. Тебе нужно выбраться на свежий воздух, в свет. Есть отличный повод. Так что скажешь?

– Скажу: «С удовольствием».

Королева встретила сестёр Фисантэ ласково, заключив в объятия.

– Ах, дорогие мои! – прощепетала она нежным голосом. – Вы великолепно выглядите. Ещё больше расцвели с нашей последней встречи.

При дворе лесть и ложь в почёте. Каролина успела это уяс-

нить ещё в прошлый раз.

Её Величество без умолку щебетала о новых модах, тканях, дикости горцев, с которыми предстояло в ближайшее время сразиться доблестному маршалу Кайлу. Потом разговор перешёл на болезнь любимой левретки Её Величества. Августейшая особа от души надеялась, что другие собачки не заразятся. Ведь это совершенно новая порода. Будет ужасно жаль, если такое экзотичное чудо умрёт.

Королева вспомнила про недавний бал. Про то, что предстоит постановка какой-то новомодной пьесы. Щебетала о том, как будет чудесно, если сестры Фисантэ украсят и то, и другое своим присутствием.

Казалось, разговоры ни о чём никогда не закончатся.

Каролина нашла речи её величества бессмысленными. И, хотя она не признавалась в этом сама себе, только укрепила во мнении что Её Величество глупа, капризна и эгоистична.

– Вы любите кататься на коньках? – вдруг ошарашила королева очередным вопросом.

– Я? Ну, не то, чтобы очень...

– Но вы ведь стоите на коньках? – несколько раздражённо фыркнула королева.

– Да, – соврала Каролина.

– Прекрасно! – с экзальтированной радостью возрадовалась царственная особа. – Если мы хотим насладиться льдом, нужно торопиться! Велю подать лёгкие закуски и поспешим

на свежий воздух.

– Но, Ваше величество, – подала голос одна из фрейлин. – Возможно, будет лучше пойти на пруд завтра?

– Завтра? – возмутилась королева. – Завтра лёд может совсем растаять. Нет, обязательно сегодня.

– Великолепная идея, – тихо заметила Каролина Силене, предварительно убедившись, что их никто не подслушивает, – кататься по не укрепившемуся льду. Всю жизнь мечтала рискнуть жизнью во имя королевского каприза.

Но нравилось Каролине или нет, она вместе с другими фрейлинами была вынуждена шагать, пригибаясь под сильным, шквалистым южным ветром в сторону белого и бугорчатого пруда четырёхугольной формы.

Несмотря на ужасную погоду их группа была не единственной решившей покататься. Какие-то сумасшедшие уже нарезали круги. Кто-то робко и неумело, кто-то просто отлично, словно бы даже без малейших усилий, то убыстряя, то замедляя бег.

Взгляд Каролины невольно задержался на прекрасном конькобежце в широком плаще. Он смутно показался ей знакомым.

– Здесь собралось блестящее общество, – суживая глаза проговорила Силене, язвительно улыбаясь Каролине. – Если не ошибаюсь, кажется, это твой Рэдси?

– Рэдси не мой, – фыркнула Каролина не без сожаления.

– Вот и прекрасно! Пусть уж лучше он держится от тебя

подальше со всей своей надменностью и западным гонором.

– Силена, – с упрёком протянула Каролина. – Как можно упрекать в дурном нраве незнакомого человека?

Начавшуюся перепалку прервало появление предмета их спора.

– Добрый день, миледи. Рад встрече.

Обе девушки прилепили дежурные улыбки к лицам:

– Не желаете ли покататься на санях? – блестя глазами, предложил Питер. – С удовольствием поработаю для вас лошадкой.

Смеясь, Каролина подхватила Силену под локоть и потащила к свободным саням. Сестре осталось только продолжить навязанную ей игру. Ну не дуться же на глазах у всех?

Пока они шли к саням Каролина заметила, как вокруг её величества образовался широкий круг прихвостней. Один из самых элегантных и проворных конькобежцев подлетел к ней чтобы поцеловать руку.

– Кто это? – с любопытство кивнула Каролина на образовавшуюся парочку.

– Принц Ларэтэн. Младший брат короля.

– О! Они совсем не похожи, – припомнив тучную фигуру императора, протянула Каролина.

– Брат короля красавчик, правда?

Словно почувствовав её взгляд, молодой человек обернулся в их сторону, неожиданно перехватив взгляд Каролины. И, к её удивлению, поклонился ей.

Каролине пришлось ответить.

– Садись, – раздражённо сказала Силена. – Бедняга Рэдси примёрзнет ко льду, пока ты будешь флиртовать с очередной жертвой.

Каролина с трудом сдержалась, чтобы не ответить. Им определённо будет о чём поговорить с сестрой, как только они останутся наедине.

Стоило сесть, как Питер, стоявший позади саней, толкнул их, и они понеслись вперёд. И тут, к удивлению Каролины, являя всем желающим любопытное зрелище и лишний повод для сплетен, красивый брат короля вдруг начал порхать вокруг их летящих саней, отвешивая сёстрам не только почтительные, но и весьма искусные на такой скорости, поклоны.

– Можете ехать быстрее? – обернулась Каролина к их вознице.

Питер с улыбкой удвоил скорость.

Его высочеству пришлось закончить круг не перед санями, а за ними. Вслед летели испуганные крики придворных.

– Ты с ума сошла? – зло сверкнула глазами Силена, придерживая готовый слететь с головы капор.

Каролина в ответ со смехом лишь пожала плечами.

– Мистер Рэдси! Замедлите бег! Вы же не хотите убить нас?

Невероятным усилием молодой человек заставил сани сделать крутой поворот и остановил их.

– Вы довольны, мидели? – обратился он к Каролине. Та ответила счастливой улыбкой.

– Благодарю за доставленное удовольствие, милорд.

Силена, выбравшись из саней, тактично упорхнула, оставляя молодых людей наедине.

Несмотря на отвратительную погоду, на пруду, приспособленном под каток, царило оживление, хотя снега и напало столько, что кататься стало вовсе невозможным.

Для Каролина знакомых лиц было немного. И, слава богу, здесь на неё мало кто обращал внимание.

– Я ошибаюсь, или на катке вам нравится гулять не в пример больше, чем в парке или даже во дворце? – спросил Питер, то ли из любопытства, то ли и в самом деле интересуясь.

– Ну, здесь я чувствую себя определённо свободнее, чем на королевском приёме, – с усмешкой отозвалась Каролина. – Когда ещё я смогу с таким удовольствием понаблюдать за всем этим? Ой!

– Что?! – всполошился Питер, глядя на Каролину испуганно-большими глазами.

– Кажется, подвернула ногу, – простонала она.

– Подвернула ногу? – озабоченно протянул молодой человек.

– Ну да. Я присяду вот на эту скамью. Нужно посмотреть, не распухает ли лодыжка.

На самом деле всё от начала до конца было чистым притворством, но Каролине хотелось привлечь к себе внимание

Питера. Пользуясь предлогом, она оперлась на его руку, которую, как благовоспитанный джентльмен он не мог не предложить травмированной даме.

Кокетливо присев на край скамьи, она вскинула на него игривый взгляд:

– Поможете снять сапог?

Питер, ухватившись за протянутую ему ножку собрался рывком сорвать с неё обувь.

– Не так, грубиян! – возмутилась Каролина.

Сцепив от недовольства зубы он, между тем, опустился на одно колено и потянул сапожок на себя. Осторожно поставив его рядом с обнажившейся ножкой в ажурном чулочке, попытался сдержанно откланяться:

– Если миледи ничего больше не желает?..

Каролина сделала вид, что пытается подняться и с жалобным стоном опустилась обратно на скамью.

– Вам больно? – снова обеспокоился Питер, поспешно возвращаясь.

Каролина всем своим видом показывала, что – увы! – но так.

– Я посмотрю?

Пристроив ступню Каролины на своё колено, Питер внимательно принялся оглядывать её на наличие травм.

– Здесь болит? – коснулся он горячими пальцами чувствительного места у большой косточки.

Каролина кивнула:

– Да.

Юношеские пальцы пробежались по коже, заставляя чувствительную кожу покрываться мурашками.

Подняв голову, Питер лукаво улыбнулся:

– Лучше?

– Да, – с улыбкой ответила Каролина.

Метель превратила пространство в белую кашу, густую, как туман. Люди смотрелись в ней неясными тёмными пятнами. С трёх шагов почти невозможно было никого рассмотреть.

Лицо Питера было совсем близко. В глазах его было столько огня и страсти, что Каролина почти безотчётно, не думая, что делает, первая потянулась к его губам за поцелуем. Медленно, но страстно их губы сошлись всего на одно короткое мгновение, после чего она испуганно отпрянула.

– Ваша красота не уступает вашей дерзости, миледи, – усмехнулся Питер, поднимаясь с колена.

– Где же «к вашим услугам»? – засмеялась Каролина, поспешно одевая сапожок на уже изрядно замёрзшую на ледяном ветру ножку.

– Что-что?..

– Надо говорить «к вашим услугам». В романах именно так учтивые кавалеры обращаются к даме.

На мгновение Питер выглядел растерянным, а потом, видимо, сообразив, что Каролина попросту над ним подшучивает, склонил голову в притворном смирении:

– Ах, да! К вашим услугам.

Внезапно Каролина перестала смеяться, внимательно глядя на своего собеседника:

– Не очень-то я похожа сейчас на благородную даму, верно?

– Не знаю. Мне не часто доводилось видеть благородных дам.

Улыбнувшись в последний раз, Каролина протянула ему для поцелуя на этот раз только руку.

Они расстались.

И между ними мела метель, ледяная, колючая, мокрая. Но на сердце Каролины цветы цветы. Белые, нежные, душистые.

Вечером, когда вся семья собралась в гостиной, чтобы после ужина послушать музыку, слушая безупречную игру Силены, Каролина, положив голову на колени Фионе, мечтательно глядя в камин, спросила:

– Матушка, скажите, что такое любовь?

Фиона, откинувшись на спинку кресла, свела тонкие брови и тяжело вздохнула:

– Сильнодействующее средство. Вроде лекарства. Если любовь счастливая, душа расцветает, придавая телу тайные силы. А если несчастная, – на сей раз вздох матери был едва различим, – если любовь несчастная, душа сморщивается и скукоживается.

– А сколько раз может человек любить?

– Чаще всего я слышала утверждения, что наше сердце

может слиться с другим человеком только один раз в жизни. Все остальное лишь тоска по любви и её призрак. Любить и потерять любовь больно, но не менее печально так и не найти сердце себе под парю. Но с чего такие вопросы, сердце моё? Ты встретила мужчину? – с тихой улыбкой провела мать по золотистым волосам дочери. – Не таись. Поделись со мной.

Каролина счастлива улыбнулась:

– Мне кажется, что встретила. Да! Свою любовь... только я не до конца понимаю, счастье это или болезнь?

– На всякую болезнь найдётся своё лекарство. Не грусти. В твои годы разумнее веселиться. А для печалей существует зрелость, – в третий раз тяжело вздохнула мать.

Каролина чувствовала себя окрылённой, будто наступила весна.

Но зимой цветы не цветут. А если и цветут, то только в оранжереях.

Новость прогремела подобно внезапному выстрелу, который меньше всего ждёшь и была как гром среди ясного неба.

Утром одна из горничных передала Каролина просьбу матери пройти к ней в кабинет. Ничего подозревающая, она охотно откликнулась.

Комната прекрасных пропорций с окнами, выходящими на внутреннюю часть двора с лужайкой, летом ярко-зелёной, а сейчас густо занесённая снегом, была знакома с детства до малейшей чёточки.

Всё здесь выглядело изящным и женским: палевые ков-

ры, расцвеченные бледно-розовыми цветами в медальонах из тусклых листьев, лепные узоры на потолке с позолоченной резьбой. Подвески хрустальной люстры разбрызгивали радужные блики начищенными гранями. Столики с витыми ножками в кольце широкой кресел, обитых кремовым шёлком.

Фиона присела в один из них, жестом приглашая дочь последовать её примеру.

– Каролина, – мать несколько секунд помолчала, словно подбирая правильные слова. – Для вас не секрет, в каком плачевном финансовом положении оказалась наша семья. Можно без преувеличения сказать, что мы стоим на грани разорения. Но, как оказалось, ещё не всё потеряно.

– Правда? – оживилась Каролина.

Радость её была отражением радости матери. Дела материальные занимали девушку не сильно. Не находя для себя возможностями поправить что-то в их состоянии к лучшему, Каролина предпочитала занимать голову более приятными мыслями.

– Но изменится ли всё к лучшему или нет, теперь зависит только от вас.

– От меня?

– Именно.

– Но – как?

– Вам придётся выйти замуж.

Каролина замерла, не веря ушам своим.

– Выйти замуж?

Мать и дочь какое-то время смотрели друг на друга. Атмосфера с каждой секундной накалялась. Ни одна из женщин не желала отводить взгляд первой.

– За кого?

– К тебе посватался сам великий маршал Моросии. Сид Кайл оказал нам честь и просит твоей руки.

– Кто?!

– А это значит, что с его оруженосцем, дорогая, ты не должна больше видеться.

– С кем?!

– С тем, – отрезала Фиона.

– Я не понимаю...

– Ты прекрасно всё понимаешь! Я запрещаю. Тебе понятно?

Каролина застыла, не веря, что этот жёсткий тон и резкие слова мать действительно обращает к ней.

– Это не шутки. Мы в отчаянном положении. Денег совсем нет.

– Я знаю, что их нет, – строптиво тряхнула головой Каролина.

– Твой отец попал в беду. У него куча долгов, – скороговоркой заговорила Фиона, отводя глаза, словно прячась от взгляда дочери. – Твоим единственным преданным будет лишь громкое имя. Ты понимаешь? Ваша с сестрой красота и наше имя единственный козырь, что мы теперь имеем. Пред-

ложение маршала Кайла немислимая удача. Без него нам не выбраться.

Каролина недоверчиво смотрела на мать, как на незнакомку.

– Вы готовы продать меня человеку с репутацией сумасшедшего безумца, задирающего юбки всем подряд?

– Молчи, глупая девочка! И не дерзи мне!

– Матушка...

– Довольно, Каролина. Пришла пора положить конец твоему своеволию.

– Почему я должна расплачиваться?

– Не будь такой эгоисткой!

– А разве я эгоистка?!

– Ты хочешь, чтобы мы все втроем – я, ты и твоя сестра, работали белошвейками? Чтобы фамильные вещи твоей семьи распродали с аукциона? Чтобы репутация нашей семьи развеялась в прах? Скажи, ты этого хочешь?

– Зачем? – с горечью спросила Каролина, нервно комкая руками платок. – Зачем герцогу жениться на девушке, чье положение в обществе не блестящее? Чье состояние под вопросом? Вам не кажется это подозрительным и странным, матушка?

Лицо графини омрачилось искренней скорбью и сочувствием:

– Каролина, дочка...

– Я бы поняла, реши он сделать меня своей любовницей.

Но – женой?..

– Герцог, как честный человек, никогда не поступит столь низко с девушкой благородного происхождения.

– Уж лучше бы поступил!

– Что ты такое говоришь?! – ужаснулась мать.

– Любовница – это на время. Любовницы надоедают и от них избавляются. Но жена – это пожизненные кандалы! Их не скинешь! О, матушка! Умоляю вас, каким бы не было отчаянным наше положение, не продавайте меня человеку, который совершенно точно не сможет меня ни любить, ни уважать! – взмолилась Каролина, падая перед матерью на колени и прижимаясь щекой к материнской ладони.

Графиня опустила на колени, обнимая плачущую девушку:

– Доченька моя! Ты можешь на меня обижаться, но в сложившихся обстоятельствах предложение герцога на самом деле великодушный поступок.

– Ушам не верю!

– А ты поверь. Маршал одно из первых лиц в королевстве. Он богат, знатен, хорошо собой, как бог. В чём проблемы?

– Мне семнадцать – ему за тридцать. Он слишком стар для меня.

Графиня рассмеялась:

– Другой причины не нашлось?

– Вы всё сказали правильно. Кто такой маршал, а кто я? Вас не настораживает эта его необъяснимая прихоть?

– Если вспомнить ваш танец на балу, то причина его сватовства становится очевидной: он просто хочет тебя. Этот человек может позволить себе осуществлять любые прихоти. Ты молодая, невинная девушка из хорошей семьи. Ему пришла пора жениться. Так что ничего странного я не вижу.

– У вас на всё есть ответ! Я не хочу выходить замуж за вашего совершенного герцога! Не хочу! Слышите?!

– Хочешь – не хочешь, пойдёшь. Сейчас не до капризов. Благополучие всей семьи на волоске. И твой долг...

– Я отказываюсь платить долги подобным образом! Хотите связать нашу семью с Кайлами? У вас есть Силеня. Она наверняка не будет против. А меня вам не заставить. За герцога я замуж не пойду! Не пойду, хоть режьте!

– Каролина!

Но, хлопнув дверью, она уже выбежала из кабинета.

Её шаги гулким эхом разносило по пустому дому.

Эта пародия на сватовство невысказанное дело. Каролина не могла даже представить себя рядом с таким человеком, как Сид Кайл. Она нисколько не отрицала его привлекательности и не умаляла достоинств. Но рядом с ним словно становилось меньше воздуха. Никак не удавалось вдохнуть полной грудью, говорить в полный голос или быть самой собой. Она поневоле словно начинала играть роль.

Жить с маршалом всё равно, что носить высокие каблуки, не снимая. Выглядит привлекательно, но на деле мучение.

Каролина не могла сидеть на месте. Стены давили на неё.

Несмотря на обилие прохладного воздуха и белизны она задышалась в родном доме.

– Принести амазонку, – приказала она горничной. – Я хочу прогуляться, – добавила не терпящим возражения тоном.

Она сама не верила в то, что собиралась сделать. До конца мысль словно не формировалась, оставаясь на задворках сознания.

– Я скажу, чтобы вам выделили сопровождение, мэм, – начала горничная, но Каролина лишь плечом нетерпеливо повела.

– Оставь. Ничего не нужно.

– Миледи, девушка вашего круга не может выходить на улицу одна.

– Я сказала: оставь мне я в покое!

– Вынуждена доложить госпоже о вашей прогулке.

– А разве я мешаю? Докладывай, кому хочешь.

Понимая, что мать непременно постарается помешать, Каролина поспешила покинуть дом, почти бегом выбежала за ограду на заснеженный бульвар.

У кондитерской лавочки всегда стояло несколько наёмных экипажей. Не раздумываясь, она двинулась к ним.

– Вы знаете, где находится дом маршала Кайла?

– Конечно, госпожа. Особняк великого герцога известен всем.

– Прекрасно. Отвезите меня туда без промедления.

Каролина опасалась, что мать помешает её затее не зря. В

дверях родительского дома она заметила движение и поспешила нырнуть в экипаж.

– Не беспокойтесь. Довезу, как драгоценный хрусталь, – игриво подмигнул извозчик.

Каролине не было дела до его игривого настроения. Оно её только раздражало.

Промелькнула мимолётная мысль о том, что ехать одной в наёмном экипаже плохая идея – небезопасно. Но она отмахнулась от неё, как от назойливой мухи. Запрячь собственную карету ей никто не позволит, поэтому придётся рискнуть.

Спроси её кто, что она собирается сделать, чего хочет добиться, Каролина ответить внятно бы не смогла. Она действовала больше на инстинктах, чем разумно.

Экипаж был открытый. Морозный воздух студил щеки. Сколько не куталась Каролина в горностаевое манто, не помогало.

– Тпру, лошадка! Приехали, барышня. Вот он, знаменитый особняк в котором обитает ваш маршал. Уверены, что не хотите передумать? Я живо отвезу вас назад. К этим воротам много дамочек приезжает. Слишком много. Но вместо ожидаемой радости частенько им слёзы лить приходится. Не знаю, мёдом вам намазан этот герцог. Будто других нет?

Смерив наглеца ледяным взглядом, Каролина протянула ему деньги.

– Можете быть свободны.

Обжигающий холодом ледяной ветер донёс звон часов,

возвестивший, что время перевалило за полдень.

Холодный воздух окончательно отрезвил Каролину.

«Зачем я здесь?» – спросила она себя, разглядывая то, что извозчик назвал особняком, но что в действительности выглядело как настоящий дворец, лишь немногим уступающим размером королевскому.

Тысяча мыслей промелькнуло в голове, пока Каролина глядела на засыпанную снегом подъездную аллею, подёрнутую темно-сизой дымкой тени.

Снег с деревьев осыпался на плечи и снежинки сверкали под промелькнувшими лучами солнца ярче любого бриллианта. Мороз зажигал румянец на бледных щеках и увлажнял ресницы.

– Леди Фисантэ? – услышала Каролина знакомый голос и обернувшись, встретила взглядом с Питером.

Глава 5. Предложение от которого нельзя отказаться

– Что вы здесь делаете? – спросил Питер, удивлённо глядя на неё.

Каролина подумала, что Питер выглядел сейчас даже красивее, чем прежде – чем всегда. При мысли о том, что скоро она потеряет его окончательно, Каролине хотелось заплакать.

Но плакать она не могла. Поэтому разозлилась.

– Я пришла поговорить с вашим лордом.

– О чём? – то ли удивился, то ли насторожился Питер.

– Я должна доложить об этом оруженосцу? – насмешка Каролины была полна злого сарказма. – Что ж, извольте! Не более часа назад матушка настаивала на том, что господин герцог сделал мне предложение. Я хочу услышать об этом от него лично.

– Вот как? – выдохнул Питер.

– Вы не знали?

Он поднял на Каролину глаза и в его взгляде промелькнула боль.

– Нет.

– Признаться, для меня предложение маршала тоже сделалось неожиданностью.

Как глупо говорить слова, значения почти не имеющие, когда твоё сердце разрывается от боли. Как нелепо стараться выглядеть равнодушной и насмешливой перед человеком, на груди которого охотно расплакался бы в поисках утешения.

– Право, не знаю, будет ли это удобно, – протянул Питер нерешительно.

Румянец на щеках юноши разгорелся ярче:

– Господин герцог сейчас не один. У него гости... вернее, гостья...

– Чудесно! – воскликнула Каролина.

Хотя на самом деле ничего чудесного, конечно, не было.

– Гости господина маршала меня беспокоят мало. Мои делам они не помешают. Скорее наоборот. Так вы впустите меня?

Наверное, Каролина выдохнула бы с облегчением, ответь Питер отказом. Но вместо этого он со вздохом вставил металлический ключ в калитку и легко провернул его, взмахом руки приглашая войти. На мгновение Каролину охватило острое желание развернуться и убежать.

С самого начала она была уверена в том, что задуманное ею вряд ли удастся осуществить. Её остановит мать или она не найдёт дом будущего жениха. И уж совершенно точно ей никак не удастся в него войти.

Но вот она стоит в трёх шагах от цели и готова повернуть вспять. Неужели она такая трусиха? Да и чего ей бояться?

– Миледи, вы идёте? – не сводил с неё Питер вопроситель-

ного взгляда.

Наверное, тоже надеется, что она развернётся и убежит?

– Готова следовать за вами, сударь. Ведите меня к вашему лорду, – вскинула Каролина подбородок.

Снег хрустел под ногами. От мороза зябли руки. От волнения и лёгкого морозца щёки разрумянилась без всякой краски. Вьющийся золотистый локон выбился из-под капора. Дыхание сбилось.

Питер первым подошёл к двери, утопающей в нише и провернул в очередном замке очередной ключ:

– Прошу, миледи.

Каролина вошла, озираясь опасливо, но не без любопытства. Жилище человека может многое о нём рассказать. Не меньше, чем его одежда или окружение.

Вслед за Питером она прошла по коридору, выведшему на широкую лестницу.

Сердце так колотилось, что Каролине начинало казаться, что она вот-вот упадёт в обморок. Как сквозь сон слышала она женский голос. Кажется, даже смех?

– Сударыня? – окликнул Питер.

Но Каролина, словно лошадь, закусившая удила, уже никого не слушала. Толкнув дверь, остановилась на пороге кабинета, из которого так и несло навязчивым запахом лилий. Сей женственный аромат плохо сочетался с мужской обстановкой – стены помещения было сплошь увешаны оружием и охотничьими трофеями.

Женщина сидела на коленях у знаменитого маршала. Взгляд Каролины скользнул по её рассыпавшимся тёмным водопадом волосам, по красивой форме рук, обвивающих мужские плечи, по расшнурованному корсажу, обнажившему полную грудь. Тонкие, слишком длинные для мужчины пальцы маршала интимно сжимали бёдра любовницы.

– Сэр, к вам пришли, – услышала Каролина за своей спиной голос Питера, докладывающего лорду о её визите.

Сид Кайл обернулся. Взгляд синих глаз обжёг Каролине лицо.

Благовоспитанной барышне её круга следовало бы гордо, с достоинством удалиться, вместо этого она просто стояла и смотрела.

Каролина и себе самой вряд ли смогла бы ответить честно, что шокировало её сильнее: лицезрение любовных игрищ господина маршала, не отличающегося разборчивостью в утолении своих appetitов? Или то, насколько это неприличное зрелище одновременно и взбудоражило, и напугало её.

– Леди Фисантэ? Дорогуша, – обратился он уже к любовнице, – вынужден прервать наше увлекательно занятие. Вернусь, как только закончу это маленькое дело, – тёмная бровь слегка приподнялась, в то время как тонкие пальцы, украшенные массивными перстнями лениво, потрепали женщину по волосам.

«Как будто собаку гладит», – пронеслось в голове у Каро-

лины.

Маршал ловко снял женщину с колен, оправляя одежду, прибывающую в живописном, говорящем беспорядке.

– Леди Фисантэ, признаться, никак не мог ожидать вашего визита. Я не слишком жалую непрошенных гостей.

– Не затрудняйте себя ненужными объяснениями, – через сжатые губы проговорила Каролина. – Я пришла сюда вовсе не как ваша гостя. Нам... нам нужно серьёзно поговорить.

Голос её звенел от волнения. А маршал Кайл смотрел на неё взглядом слепого, насмешливо и высокомерно скривив губы.

– Как будет угодно. Дорогая, – поцеловал он руку полуобнажённой куртизанке, – я, судя по всему, скоро вернусь. Леди Фисантэ, вас не затруднит проследовать за мной в другую комнату? А вы, Питер, зайдите ко мне после того, как я закончу беседовать с юной леди.

Каролина вслед за хозяином дома вошла в просторную, светлую комнату, назначение которой она с первого взгляда затруднилась определить. Нечто среднее между кабинетом и комнатой для отдыха.

Большие окна выходили на заснеженный парк, окруживший дом. За стеклом сонно носились мохнатые снежинки налипая на широкий карниз и ветви деревьев. Широкие стволы успели покрыться снегом. Их подножие снег окутал, как одеялом.

Тем приятнее был контраст тепла и вид весело танцующе-

го в камине огня.

Непринужденно упав в кресло, Сид Кайл сделал приглашающий жест рукой:

– Прошу, располагайтесь, сударыня. Могу предложить вам напитки. Полагаю, чашка ароматного чая уместна после прогулки на свежем воздухе? Какой предпочитаете? – с изысканной учтивостью предложил он.

Каролина чувствовала, что теряется. И от роскоши самого дома, и от самоуверенности его хозяина и от того, что сама ни в чём не уверена.

– Не надо мне вашего чая, – ворчливо протянула она, мотнув головой.

Кайл склонил голову на бок, мгновенно сделавшись похожим на хищную птицу, выслеживающую добычу. Невольно в голову шло сравнение с коршуном, охотившемся на мышь.

– Чего же вы, миледи, в таком случае хотите?

Во взгляде, обращённом на себя, Каролина прочитала равнодушие. Даже скуку. И разозлилась.

Вскинув голову, процедила сквозь сжатые губы:

– Поговорить.

– Может быть, скинете хотя бы капор? Здесь и без того не холодно, а, судя по вашему взгляду, вы планируете жаркую дискуссию. Можете вспотеть, там и до простуды недалеко.

От подчёркнуто вежливого тона, не скрывающегося, впрочем, насмешки, так и веяло издёвкой. Каролина почувствовала себя оскорбленной.

– Мне сообщили о вашем предложении, сударь, – воинственно заявила она.

– Что-то непохоже, чтобы вы пришли изъявить радость по этому поводу.

– Наверное, потому, что никакой радости я и не испытываю!

– Выходит, вы из тех разборчивых девиц, которым трудно угодить. Чем моя кандидатура в качестве мужа вас не устраивает?

Тёмная тонкая бровь лорда слегка приподнялась, придавая лицу выражение иронии, до этого звучавшей лишь в голосе.

– Вы изволите издеваться? – аж притопнула ногой Каролина

Сид Кайл оставался невозмутимым:

– Отнюдь. Мне действительно очень интересно, что плохого провинциальная дворяночка может найти в честном предложении от одного из первых людей в государстве?

– Ваше самомнение оправдано, сэр. Вы красивы, богаты, известны. Многие женщины хотят вас, но я к этим женщинам, к счастью или нет, не отношусь, – упрямо тряхнула головой Каролина. – Мне безразличны как ваше богатство, так и ваша красота. Чести называться вашим родовым именем я также никогда не добивалась. И... я не люблю вас, сударь! Со своей стороны, не могу представить причину, побудившую такого человека, как вы, сделать это абсурдное, с какой

стороны не погляди, предложение. Положение моей семьи в обществе, правда, не из последних, но вам ведь не чета. И, к тому же, для вас ведь наверняка не секрет, что мы почти разорены? Сама я не блещу никакими талантами, способными выделить меня из числа прочих леди на выданье. Тогда – почему? Зачем вы это делаете?

– Хм-м? – в задумчивости подпёр подбородок рукой Сид Кайл. – Вариант, при котором вы можете казаться мне привлекательной сами по себе, не рассматривается?

– Нет, – поспешно выпалила Каролина, краснея. – Вы видели меня на балу единственный раз.

– И что? По-вашему, одного раза мужчине недостаточно, чтобы рассмотреть женщину? Или, по-вашему, мужчины женятся только из меркантильных соображений? А как же любовь? Романтика? Страсть?

Он всё-таки издевается, пытаясь выставить Каролину самовлюблённой дурой!

– Для таких, как вы, страсть недостаточный повод дать себя окольцевать, – покачала головой Каролина. – И не неискушённой девушке пленить ваше опытное сердце, сэр. У вас нет причин желать меня в жёны, сэр. Ведь едва ли я кажусь вам привлекательнее, чем вы мне.

– Я не кажусь вам привлекательным? – в ярких синих глазах промелькнули огоньки, похожие на веселье.

– Нет, сэр, – со спокойной серьёзностью, будто отвечая выученный урок, ответила Каролина. – Вы мне не нравитесь.

– Это почему же?

– Вы для меня слишком красивый, слишком богатый, слишком умный, слишком опытный и... слишком старый. Ваше предложение лестно, но я не могу и не хочу принять его.

Кайл даже глазом не моргнул. Просто сидел и, небрежно откинувшись в кресле и с видимым удовольствием рассматривал стоявшую перед ним девушку.

Наконец, устало вздохнув, будто необходимость объяснять очевидные вещи была ему тягостна, но он с ней мирился, произнёс:

– Вы не можете что-то принимать или нет, леди Фисантэ, по той простой причине, что не достигли совершеннолетнего возраста. Все решения за вас принимает опекун. В данном случае – ваши родители. Ваша мать приняла моё предложение и сомневаюсь, что ваш отец осмелится ей возразить. Не вижу смысла тратить время на обсуждения того, что уже решено.

– Не верю, что вы будете настаивать на этом глупом браке!

– Жаль разочаровывать, но вы правы – буду.

Каролина почти с мольбой подняла взгляд на совершенно чужого, чуждого ей во всех проявлениях человека, пытаюсь представить себя хозяйкой его дома.

Ничего не выходило. Не получалось.

– Почему? – с тоской спросила она, так крепко сжимая одной рукой пальцы другой, что те жалобно хрустнули, за-

ставив господина маршала поморщиться. – Зачем вы это делаете?

– Для вас действительно так важно знать? – синие глаза смотрели на Каролину холодно и спокойно. – Я могу выполнить ваше желание и сказать правду. Только вот не уверен, что она вам понравится. Правда, как и свобода, вещь омерзительная. На самом деле лишь единицы способны её переварить. Ну так что?

Сид Кайл медленно поднял голову и посмотрел Каролине в глаза, будто бросая ей вызов. От прямого, ожидающего и в то же время равнодушного взгляда Каролине сделалось совсем холодно. Не спасали ни камин, ни салоп.

– Нужна вам ваша правда, леди Фисантэ? Вы вольны уйти, покуда она ещё не прозвучала. А если всё-таки решите остаться, я бы на вашем месте присел.

Каролина не шевельнулась, кусая губы. Желание сбежать было острым, но она слишком далеко зашла чтобы отступить.

Не в силах больше выдерживать пронзительный и тяжёлый взгляд маршала, Каролина поглядела в окно, стараясь взять себя в руки. Главное не сорваться сейчас в отвратительную истерику.

Так хотелось запустить ногти, обдирая в кровь это отвратительно красивое лицо! Кинуться с визгом и выместить пылающую в сердце ненависть, неприятие даже мысли о возможной связи с этим человеком, ударами! Лупить бы куда

попало, как во время стычек со старшим братом, Джорджем. В этом плане у гризеток и горничных есть существенное преимущество. Они могут опуститься до любого уровня, в отличие от благородных аристократок.

Впрочем, сомнительно, что с герцогом Кайлом даже самая наглая уличная торговка могла бы повести себя подобным образом. Было что-то в этом человеке, внушающее, – нет, не страх. Скорее почтение.

– Взаимопонимание – сложный процесс, сударыня. Снимите вашу чёртову шляпу и сядьте.

Каролина сорвала капор с головы, бросив его прямо на пол, на ковёр, и демонстративно уселась в кресло напротив маршала, с вызовом, гневно глядя на своего мучителя.

Лицо Сида Кайла ничего не выражало. Словно у каменного идола.

Потянувшись за бутылкой, он плеснул вина в оба фужера. Отсалютовав, подтолкнул его к Каролине.

– Я не пью, – отшатнулась она.

Пожав плечами, Сид пригубил своё вино:

– Ваше право знать истинное положение дел. Я выполню ваше желание, хотя для вас же было бы лучше подчиниться воле старших, не задавая лишних вопросов. Многие знания – многие печали. Старая, как мир, истина. Её редко принимают на веру.

– Вы говорите много лишних слов, – передёрнула плечами Каролина.

Скользнув по ней взглядом, тяжёлым и безразличным, маршал Кайл откинулся в кресле. Покрутив бокал в длинных пальцах, поглядел на свет словно пытаюсь отыскать что-то в красной, засветившейся на солнце, жидкости.

Иллюзия была столь сильна, что на мгновение Каролине показалось, будто и она видит движущиеся тени. Хотя, конечно, это была всего лишь игра воображения.

– Вы, наверное, знаете, что наши семьи состоят в родстве? – начала он. – Не знаете? Ну, так знайте. Мы с вашей матушкой кузены то ли в третьем, то ли в четвёртом колене, но это не суть важно. Для меня куда важнее тот факт, что мой обожаемый старший брат, погибший при довольно трагических обстоятельствах, был в своё время влюблён в Фиону Кайвэ. Сложись жизнь несколько иначе, вы могли бы величать меня дядюшкой, правда, вряд ли добрым? Не слишком-то я люблю детей. Особенно девочек. Вас, наверное, удивляет, зачем я об этом говорю? Чтобы вы поняли, по какой причине я проявил к вашей семье участие.

– Участие? – недоверчиво нахмурилась Каролина.

– Именно, – кивком подтвердил значение своих слов Сид. – Будь на месте вашего отца любой другой человек я отдал бы его в руки судьбы, как он того, несомненно, и заслуживает, и спокойно смотрел бы на то, как его сбросят в долговую яму. Но в случае с Фионой всё меняется. Она молила меня о помощи, прося поставить между кредиторами и именем Фисантэ наше новое с вами родство. Я решил не

отказывать по старому родству, знакомству и общему прошлому. Хотя, признаюсь, если бы не ваша привлекательная внешность, я не проявил бы такой сговорчивости, – со вздохом лениво сделал глоток вина господин маршал. – Ваш до-
стопочтенный батюшка, господин Руан Фисантэ, как не при-
скорбно об это говорить, глупец.

Каролина почувствовала, как краска ударила в лицо:

– Как вы смеете! – возмущённо выдохнула она.

– Говорить правду не так уж словно, как это принято думать. Очень рекомендую попробовать. Может быть, вам даже понравится, сударыня. Хотя на это мало надежды. Как вы желаете, чтобы я называл человека, совершающего заведомую глупость? Определение «глупец» вам не нравится? Что ж? – снова пожал он плечами. – Пусть будет недалёковид-
ным.

Вино в бокале маршала закончилось и от потянулся к бутылке, чтобы плеснуть себе ещё.

– Помимо долголетнего знакомства с вашей матушкой, я так же имею сомнительную честь долгие годы знать также и вашего батюшку. Руан Фисантэ служил ещё моему старшему брату, уж сейчас точно сейчас не припомню, кем. То ли оруженосцем, то ли конюшим, то ли виночерпием? Он принадлежал к мелкопоместным дворянам, то есть был не тем лицом, кто запоминается навсегда и сразу. Когда, после смерти моего брата, ваша матушка вдруг приняла поспешное решение выйти замуж за одного из самых верных слуг почившего

возлюбленного, а ваш дедушка (да покоится он с миром) не счёл нужным препятствовать этому браку, общество из уважения закрыло глаза на случившийся мезальянс.

– Вы смеете намекать, будто мой старший брат не сын моего отца?!

– Я ни на что не намекаю. Я лишь излагаю цепочку событий. А уж какие выводы делать и во что верить, решать вам.

Спрятав лицо в ладонях, Каролина тщетно пыталась овладеть собой.

– Это неправда! – сорвалось с языка. – Не может быть правдой!

– Ваша скорбь понятна, ваша боль естественна и даже возмущение вполне объяснимо. Вы вольны меня ненавидеть, если таков ваш выбор. Каждый из нас делает свой выбор и живёт с его последствиями. Ваш отец, ваша мать, я. И вы не исключение. Если вы не сможете смириться с мыслью о необходимости нашего брака я, естественно, не стану настаивать. Меня попросили сделать вам предложение, я оказал вам эту честь. Если вы ответите мне отказом, я приму вашу волю. Прошу лишь хорошенько подумать перед тем, как дать ответ.

Каролина опустила руки, отвернувшись к окну. За ним плавно летели толстые снежинки, похожие на мохнатых белых пчёл. Резкий порыв ветра и вот они истончились, превращаясь в острые иглы, летящие со всех сторон.

Начинался буран. За окном вскоре ничего нельзя было

разглядеть. Будто туман пеленой встал.

Почему жизнь в одночасье способна стать такой сложной? Поднимется метель, закроет ориентиры и ты, продираясь сквозь выюгу, перестаёшь понимать, где земля, а где небо и куда тебе нужно идти?

– Я понимаю маму и понимаю, что заставляет её желать этого брака. Но я не понимаю ваших мотивов, сэр, – теребя кончик пояса нервно проговорила Каролина.

– Почему я согласился жениться на вас? – голос Сида Кайла звучал где-то далеко и будто не имел к ней, Каролине, никакого отношения. – Мне, как вы правильно осмелились заметить, тридцать четыре года. Я устал от навязчивых маменок, желающих любым путём навязать мне именно своё сокровище. Устал и от богатых вдовушек, занятых реализацией той же идеи. Дать продолжение моему роду мой долг, как главы Дома. Вы молоды, красивы и выглядите невинной, что, надеюсь, соответствует истине. В общем кандидатура в невесты не хуже, хотя, может быть, и не лучше многих других.

Каролина безучастно наблюдала, как он в третий раз наполняет свой бокал. Небрежные, спокойные движения. Так двигается сытый хищник, уверенный в своей силе, мощи и безнаказанности.

– Откровенно жаль вас разочаровывать, девочка, ведь вам, судя по всему, отчего-то желательно видеть меня в роли злодея? Увы! Ничего злодейского в моих умыслах нет. Скорее наоборот, я пытаюсь отбить охоту у любого другого, же-

лающего покопаться в грязном белье вашего семейства. То есть я выступаю в роли рыцаря, спасающего прекрасную даму. И даже не одну, а трёх.

– Но вы же сами только что говорили о низком положении моего отца? Разве не унижительно для человека с вашим именем взять замуж его дочь? – всё ещё слабо пыталась сопротивляться Каролина.

– Кем бы не был ваш отец, по материнской линии в вас течёт кровь древней Алирии. Этого достаточно, чтобы сделать вас подходящей для меня кандидатурой. Однако, спасти силой не в моих правилах и не в семейных традициях. Если вы решите мне сказать «нет», это будет означать – нет. Тащить вас к алтарю связанную и с кляпом в зубах в лучших традициях оперных драм мне ни к чему. Ну вот, слёзы? – свёл тёмные брови герцог. – Разве после этой новости вы не должны успокоиться и почувствовать себя уверенней?

Каролина опустила голову, чтобы хоть как-то спрятаться, скрыть собственные чувства. Ей совсем не стало легче. Наоборот. Ненависть к Сиду Кайлу придавала силы, заставляла двигаться, питала, не давала сломаться. Теперь же источник был пуст.

Сидящий напротив человек по-прежнему вызывал неприязнь. Стоило только взглянуть на него как сердце в груди обращалось в больно колющийся изнутри кусок льда. Оттого, что разумом приходилось понимать правоту врага и даже признавать её лучше ни к какой мере быть не могло. Стало

только хуже. Ненависть, которую нельзя выплеснуть, душит изнутри.

Комната была жарко натоплена, на ней салоп. Почему же так холодно?

Потянувшись за стоящим перед ней бокалом вина, Каролина залпом его осушила. Вкус был бархатный, будто по языку прокатывались кисло-горькие ягоды. Вернее, их сок. Голова тяжело и неприятно закружилась. Ощущение, будто пространство вокруг набито ватой. Навязчиво-неприятное чувство.

– Спасибо, что поговорили со мной, – поднялась Каролина с кресла. – Мне... мне пора. Я не предупредила матушку о том, куда иду. Она наверняка волнуется.

Сид Кайл поднялся в свой черёд, безукоризненно прямой и убийственно вежливый.

– Я провожу вас до кареты.

– Какой кареты?

– Леди, вы же не думаете, что я позволю юной девушке покинуть мой дом без охраны, да ещё в наёмном экипаже? Вас проводят до дверей особняка мои люди.

– Я...

– Это не обсуждается.

Подняв с пола брошенный Каролиной капор, маршал протянул его ей.

Каролина машинально надвинула его на голову, особо не задумываясь о собственном внешнем виде.

– Прошу вас, – распахнул будущий муж двери перед своей невестой.

Каролина сделала пару шагов. Пол слегка качался, словно палуба плывущего корабля. Неважно, было ли то следствием пережитого стресса или выпитого вина. Но чтобы не шататься, пришлось опереться на предложенную руку.

Говорили, что маршал непревзойдённый наездник и умеет объезжать даже самых норовистых жеребцов. Как ни горько, но приходилось признавать, что и Каролину он ловко взял под уздцы. Весь её неистовый бунт захлебнулся, не успев толком начаться. Дрожащая, растерянная, взмыленная, она послушно бредёт в своё стойло.

– Питер, проводите девушку до дверей её дому и можете быть свободны. Ваши услуги мне сегодня не понадобятся.

Белокурый оруженосец поклонился своему лорду, щёлкнув каблуками.

Послушный слуга, готовый исполнять волю господина, с горечью поняла Каролина.

Глава 6. Стерпится-слюбится

Каролина никак не могла отделаться от чувства, что всё происходящее на самом деле только страшный сон. Что она вот-вот проснётся, со смехом расскажет о кошмаре сначала Силене, а потом, может быть, отцу и матери. И ещё прежде того, как вся семья привычно соберётся на завтрак, страшные грёзы развеются, словно тёмные чары.

Отец привычно потреплет дочек за щёки, как будто они с сестрой всё ещё оставались пятилетними крошками. А мать невозмутимо начнёт колдовать над чашками, не уступая прерогативу разлить заварку из заварника никому, даже мажордому.

Под ногами равнодушно хрустел снег. Он же набивался в мех на воротнике салопа, слепил глаза.

– Прошу вас, – распахнули перед ней дверцу кареты.

На окна тоже налип снег. Он был везде.

Внутри, правда, согревали жаровни. Грелки, разбросанные по сиденью, не оставляли холоду ни малейшего шанса добраться до спрятавшихся в чреве похожего на волшебную шкатулку, экипажа, пассажиров.

– Всего доброго, леди Фисантэ. Моё почтение вашей маменьке.

Каролина не ответила, прижав мех к щеке. Вдыхая запах духов, струящихся по морозному воздуху.

Питер Рэдси опустился на скамейку напротив неё. Дверь захлопнули.

– Трогай!

Копыта лошадей почти не стучали. Снег приглушал звуки.

Каролина смотрела в окно, хотя рассмотреть что-либо за ним не представлялось возможным.

Она не замечала, как слёзы струились по щекам. Глубоко уйдя в себя, совсем не думала о том, какое впечатление производит её отчаяние на молодого человека, словно он и не занимал собой всё её мысли в недавнем прошлом. Словно она о нём никогда и не мечтала. Будто со дня, когда они встречались на королевском приёме, прошёл не месяц, а сто лет.

Между девочкой, подслушивающей, как ссорятся мальчишки и невестой лорда Кайла лежала пропасть. Жизнь, словно обезумевший скакун, круто прочертила вираж между безоблачным детским счастьем и морем отчаяния.

Лошади громко и капризно заржали. Каролина вздрогнула, очнувшись от печальных мыслей и натолкнулась на внимательный, вопрошающий взгляд Питера. Хотелось отвернуться, но она взяла себя в руки.

– Мой господин чем-то вас сильно расстроил.

Это прозвучало не как вопрос. Питер Рэдси проявлял наблюдательность.

– Меня просватали за вашего лорда, сударь. Я полагала, что могу что-то изменить в этом вопросе. Но выяснилось,

что нет.

Каролина скривила губы, стараясь выразить этим всю горечь и неприятие, всё своё недовольство сложившимся положением дел.

– Надеюсь, предстоящее бракосочетание станет для вас приятным событием, – вздохнул Питер.

– Боюсь, что предстоящее бракосочетание станет для меня лишь новым испытанием! – огрызнулась Каролина.

– Разве вы не счастливы получить предложение такого человека, как Сид Кайл? Он же настоящий герой. К тому же он богат и красив. Любая другая женщина может только мечтать о чести, выпавшей на вашу долю. Вы должны быть счастливы.

– Какое мне до любой другой женщины? Я не верю в то, что можно быть счастливой из чувства долга, – зябко передёрнула плечами Каролина. – Вы будете на нашем венчании? – подняла она глаза на Питера.

– По долгу службы придётся, – передёрнул плечами он. Карета остановилась. Молодые люди обменялись взглядом.

– Надеюсь, вы будете счастливы, – на сей раз в голосе Питера звучала откровенная злость.

Он первым отворил дверь и спрыгнул на землю, опуская металлические ступеньки, по которым не спеша сошла Каролина.

– Благодарю за всё. И за добрые пожелания напоследок –

тоже, – кивнула она.

Со стороны дома навстречу им уже спешил лакей. Фиона ждала Каролину на пороге. За её плечом маячила фигура Силены.

– Барышня, где же это вы пропадали? – запричитал слуга. – Родичи-то, почитай, с ног сбились, вас разыскиваючи. Батюшка по всему городу мечутся...

– Мне жаль, что заставила вас волноваться.

Подойдя к матери, Каролина подняла взгляд на бледное, строгое лицо.

– Где ты была? – ледяным голосом спросила Фиона.

– У Сида Кайла, – таким же тоном откликнулась Каролина.

Фиона смотрела пристально, видимо, в надежде, что дочь отведёт взгляд.

– Зачем ты туда поехала?

– Хотите обсудить это здесь? При людях? – приподняла бровь Каролина.

– Идём в дом, – вздохнула Фиона.

Следуя за матерью, Каролина, как была, в верхней одежде, прошла в комнату на втором этаже. Комната эта носила название дамской гостиной. По сути же представляла личный кабинет Фионэ Фисантэ.

Мать присела на один из них, жестом приглашая Каролину последовать её примеру.

Пока Каролина снимала одежду, осторожно пристраивая

её в уголке огромного дивана, Фиона молчала, бессильно уронив руки.

Каролина после встречи с будущим мужем и беседой с Питером чувствовала себя выжитой, как лимон. Но что-то в лице матери заставило сердце забиться быстрее. Каролина вместо гнева, терзающего её последние часы, вдруг ощутила острую жалость. На лице матери до такой степени отражалась её угасшая душа, что дочери стало страшно.

– Ты хоть представляешь, сколько горя добавила мне своим взбалмошным поведением? – укорила Каролину Фиона. – На улицах беспокойно. Разумно ли девице твоего положения покидать дом без сопровождения? Я чуть с ума не сошла, пытаюсь представить, куда ты могла пойти. И помыслить не могла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.